

Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2023), 163–196
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2023), 163–196
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-3-81-163–196

ИЗНУТРИ ИЛИ СНАРУЖИ? (О «СТАТУСЕ» ПОСЕЛЕНИЯ НА МЫСЕ ЗЮК, МАЛЫХ ГОРОДАХ И «ВНУТРЕННЕЙ» КОЛОНИЗАЦИИ БОСПОРА)

А.А. Масленников

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: iscander48@mail.ru

ORCID: 000-001-8292-1572

На основании археологического и эпиграфического материалов автор делает предположение о полисном статусе городища на мысе Зюк в Крымском Приазовье и характеризует этот памятник как «застывшую» форму изначальной *апойки*. Затем, также с привлечением нового материала рассматривается начальная хронология большинства «малых» боспорских городов. При этом обращается внимание на корреляцию принятых в настоящее время датировок основных категорий массового археологического материала (амфор и столовой посуды) с учетом того, что амфорная тара имеет тенденцию к меньшим срокам бытования. В итоге можно выделить не менее четырех этапов (волн) местного колониационного процесса, которые более или менее синхронны известным нам историческим событиям в центрах метрополии в конце VII – начале V вв. до н.э., что уже давно предполагалось в основополагающих работах В.Д. Блаватского, Г.А. Кошеленко и В.Д. Кузнецова. Исходя из этого, а также конкретной ситуации в регионе Боспоре Киммерийского и демографических возможностей появившихся здесь греческих *апойкий*-полисов, делается вывод о невозможности в это время т.н. внутренней колонизации. Кроме того, еще раз обращается внимание на то, что процесс освоения эллинами пространств будущего боспорского государства протекал в его «азиатской» и европейской частях не одинаково. В первом случае, изначально он проходил в форме вывода большого числа маленьких *апойкий*, большинство из которых, главным образом, не на побережье, в дальнейшем по ряду причин не смогли перейти в следующую стадию – поселения городского типа.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, археология и письменные источники, эпоха колонизации, эмпории, апойки, малые города, сельские поселения, полисный статус, проблемы датирования, хронология, колонии и метрополии, «внутренняя» колонизация

Данные об авторе. Александр Александрович Масленников – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом полевых исследований ИА РАН.

*Разные книги мы в детстве читали...
Многие много о многом писали...*

Что до эпиграфа, то это о том, что всякий, кто ныне берется хоть за какое-то исследование, предполагающее некие обобщения, неизбежно «тонет» в соответствующей историографии. А как иначе! Как помнят мои коллеги старшего поколения, лет 35–50 тому назад всю требуемую информацию можно было получить из редких статей в немногих специальных журналах, столь же нечастых тематических (юбилейных) сборников, да еще более редких монографий маститых ученых или зарубежных изданий. Теперь таких источников множество, причем самого разного качества и объема. Всех мнений и высказываний порой и не учтешь... А потому – и себе «умных мыслей» осторожнее не приписывать. Поэтому будем стараться писать просто: «как всем известно», «есть мнение» или «общепринято». Ну, а вообще-то, статью автор хотел озаглавить: «Славная дата» и вот почему:

В истекшем году минуло 30 лет «со дня» выхода в свет в сборнике «Очерки археологии и истории Боспора» (Москва, 1992) основополагающей статьи Г.А. Кошеленко и В.Д. Кузнецова «Греческая колонизация Боспора»¹. Эта работа была и востребована, и достаточно высоко оценена, прежде всего, из-за подачи нового по тому времени археологического материала (напомним, тогда это было сделать совсем непросто). Но главное, конечно, – вступительная статья только что упомянутых авторов. Впоследствии они возвращались к этой же теме², но данная публикация была первой. В чем собственно суть. А в том, что, как помнит старшее поколение антиковедов, и, судя по печатным работам, названиям симпозиумов и конференций, а равно и содержание выступлений тогдашних мэтров, тема греческой колонизации Северного Причерноморья во второй половине прошлого века была весьма и весьма актуальной, а точнее – обсуждаемой, «звучавшей», «злободневной». Конечно, ее так или иначе затрагивали и в дальнейшем. Особенно те отечественные и украинские специалисты, которые имели дело с новым и ярко-информативным археологическим материалом, непосредственно касавшимся этого периода и исторического феномена. Не перечисляя их и его (материала), скажем только, что благодаря довольно масштабным раскопкам последних десятилетий на Боспоре это относится почти ко всем крупным и известным античным центрам, а также и некоторым местам на «периферии». Эта новая информация весьма существенно пополнила соответствующий «банк данных» и в немалой степени еще ждет своего опубликования и осмысления. Как своего рода промежуточный итог, все только что сказанное нашло отражение в основательной монографии А.А. Завойкина «Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов» (Симферополь–Керчь, 2013)³. Однако прежней, упомянутой выше активной дискуссионности на тему колонизации последние десятилетия не наблюдается. По всей видимости, выводы вышеозначенных авторов оказались столь убедительными, что «острые» поводы для ученых споров отпали сами собой. Иными словами: «все было поставлено на свои места». По крайней мере, на достаточно продолжительное время, которое

¹ Кошеленко, Кузнецов 1992.

² Koshelenko, Kuznetsov 1998.

³ Завойкин 2013.

еще вроде бы и не закончилось. Поэтому, вовсе не собираясь вновь «открывать дискуссию» (для этого у автора данной статьи нет ни авторитета, ни знаний, ни желания), хотелось бы обратиться только к немногим «частным», узко-хронологическим сюжетам. Они возникли как бы случайно, хотя ответы на поставленные в них вопросы в основном уже были даны во все той же статье 1992 г.

Дело в том, что, готовя выступление на круглом столе памяти Е.А. Молева (Санкт-Петербург, ноябрь 2022 г.), вся полевая деятельность которого, как известно, была связана с одним из т.н. малых городов Боспора – Китеем, автор невольно должен был отойти от более близкой ему «сельской» тематики. И предметом доклада стал давно им исследовавшийся и даже в целом изданный все в том же сборнике памятник – античное городище на мысе Зюк. Повторим основное содержание доклада, добавив изрядное количество прочих суждений.

Но вначале – несколько слов о терминологии и самом понятии: «античный город» и его археологические признаки. Именно «несколько», ибо каждый знает, как много здесь мнений, определений и т. п. и, тем более, как велик список соответствующей литературы, и, не дай Бог, кого-то из заслуженных коллег-исследователей ненароком обидеть невниманием. Ясное дело: речь идет о терминологии античной, греко-римской. Чтобы не усложнять текст, приведем эти термины в русском «написании», тем более что всем специалистам известны соответствующие «исходники». А она представлена в соответствующих письменных свидетельствах о Северном Причерноморье словом *полис* (иногда «производно-уменьшительный» от него – *полихнион*) и ни разу (!) – *астю*. Возможно, в отдельных случаях, как отражение неких временных реалий, – *кома*⁴. А также: *urbs* и *oppidum*, иногда *civitas* у латиноязычных авторов. Термины эти совсем не однозначные, что следует из знакомства даже с самыми простенькими словарями. Иное дело – их применение каждым античным автором, да еще в каждое конкретное время и в каждом конкретном регионе и случае. А они, как известно, бывали разными... Но, вообще, это отдельная тема соответствующих изысканий. Тем более, что достижения современной археологии дают для этого и повод, и основания.

Но случалось, и ниже тому пример, что источники наши приводят только названия (топонимы) неких населенных пунктов, не уточняя (исключение – Пантикапей и Фанагория) их социально-демографический, политический и иной статус и значение. Именно так обстоит дело и с наиболее знакомым мне районом Европейского Боспора – Крымским Приазовьем. Как известно, лишь Клавдий Птолемей (II в. н.э.) упомянул здесь три таких «объекта»: Парфений, Зенонов Херсонес и Гераклий (Ptol. III. 6. 4). Локализация второго – почти всегда и всеми, в силу его очевидной географической специфики (идеальный полуостров), признавалась безоговорочно: мыс (вернее, конечно, полуостров) Зюк (хотя не исключено, что в какие-то периоды, например: относительно недавно – в 1890 г. и ненадолго это мог быть и крохотный островок⁵). Итак, мыс Зюк – это ближайшие (с северо-востока) окрестности современного села Курортное, а до 1944 г. – Мама Русская. Площадь полуострова около 20 га, и он по-своему живописен и примечателен (правда, весьма выраженная особенно в последние десятилетия в его восточной части береговая абразия, а также старинное и новое кладбища, окопы ВОВ, следы

⁴ Кругликова 1966, 63–65; Завойкин 2022, 101–113.

⁵ Овсяченко и др. 2019, 135.

добычи камня, подступающие постройки села, появившийся недавно погранпост и... наши раскопы отчасти портят этот почти идиллический пейзаж). Кроме всего прочего, он является самой северной точкой всего здешнего Крымского побережья (и как Клавдий Птолемей «ухитрился» отразить это в своих координатах почти две тысячи лет назад?!). Правильнее, будет, конечно, сказать: как точны были неведомые нам его информаторы!) Античное городище, расположенное в северо-восточной части мыса, было известно с конца XIX в., а, может быть, и несколько ранее. Но, странным образом, хорошо знакомый «по долгу службы» (смотритель соляных приисков) с районом соседнего Чокракского соленого озера незабвенный Поль Дюбрюкс о нем не упомянул в своем знаменитом «Описании развалин и следов древних городов...». Некую рекогносцировку – осмотр полуострова и следов древнего поселения провел здесь в 1894–1895 гг. местный помещик, как сейчас, сказали бы: «дилетант от археологии» А.А. Дирин. Собранный им в том числе «из вторых рук» информация касалась в основном разобранного местными жителями участка основания крепостной стены и некоторых находок, впрочем, мало примечательных, да практически полностью разоренного ими же некрополя, располагавшегося вблизи мыса. В первом случае обращает на себя внимание высокое качество кладки из камней-квадров, скрепленных железными скобами, залитыми свинцом (пироны), а также неким розовым связующим раствором (последнее обстоятельство, впрочем, – весьма странное и необычное, в строительном деле Боспора: это ведь не винодельня, было подтверждено нашими раскопками, а вот квадров – увы... Кроме одного, уцелевшего случайно и явно не *in situ*, нам ничего «не досталось»⁶). Ширина прохода в стене, попавшего в «раскоп» местных поселян, составляла два с небольшим метра (сажень). Ими же были откопаны нижние части деревянных брусев, к которым, видимо, крепились створки ворот. Во втором – примечательно упоминание надписей на плитах перекрытия некоторых могил (не относятся ли к их числу два надгробия с эпитафиями из лапидария Керченского музея?). Сведения эти, до обидного сбивчивые и короткие, А.А. Дирин поместил в статье с весьма претенциозным названием «Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки»⁷. Собственных раскопов на городище как будто бы он не проводил, хотя отметил, что при глубине «грабительских шурфов» не более двух аршин (чуть менее полутора метров) шансы на обнаружение сколь-либо презентабельных развалин здесь все же сохранялись⁸. Результаты этих изысканий, по-видимому, его не вдохновили, и продолжения их не последовало. Несколько эпиграфических находок (КБН 808–900) тоже как-то в дальнейшем не возбудили к этому городищу особого интереса у полевиков-боспороведов. Правда, по слухам, на мысу бывали и В.Ф. Гайдукевич (вместе с Е.Г. Кастанаян и Н.Л. Грач), и И.Т. Кругликова, и Б.Г. Петерс. Впервые оказавшись тут в 1977 г., я был поражен мощностью культурных напластований (местами до 6–8 м) и обилию находок при в общем-то очень небольшой (приблизительно 0.6–0.8 га) площади самого памятника. Тогда еще отчетливо смотрелся древний вал и ров длиной около 70 м, отделявший городище в упомянутой части мыса с запада. Результаты последовавших (1978–1984 гг.) (на площади почти в 3000 м²) раскопок, как уже писалось, в целом

⁶ Масленников 1992, 163.

⁷ Дирин 1896, 121–124.

⁸ Дирин 1986, 121.

были опубликованы⁹. В данном случае важно и интересно другое: а что именно это было за поселение? Не по названию-антропониму (скорее всего, в честь некоего ойкиста, с довольно редким для Боспора именем – Зенон), а по своему «статусу» (сельское поселение, город, городок – *полис*, *полихнийон*, *кома*). Казалось бы, все ясно: перед нами одно из сельских прибрежных поселений этой части Боспора, которых в настоящее время известно довольно много. Но так ли это? Наверное, сомневалась в этом уже И.Т. Кругликова, не внося данный пункт в свой известный каталог сельских поселений¹⁰. Прежде чем перейти к рассуждениям на эту тему, еще раз вернемся к выше отмеченной особенности упоминания о нем Клавдия Птолемея. Отец географии странным образом не пояснил, что это был, собственно, за населенный пункт: полис или что-то другое. И это при том, что перед данным «пассажем» и далее (в отношении восточного побережья Меотиды, Черноморско-Азовского побережья Крыма, Таманского п-ова и даже Таврической «глубинки») он несколько раз употребляет именно этот термин применительно к поселенческим объектам, в том числе с явно варварскими наименованиями, да и сомнительно, чтобы греко-римскими по населению и местоположению. По всей видимости, статус, этнокультурное и экономическое «содержание» всех упомянутых здешних поселений для него, вернее – его информаторов, вовсе не имели значения, как, впрочем, и выбор терминов.

Общепринято, что доиндустриальный город, в том числе и античный – это: то-то и то-то, а главное – центр ремесла и торговли. Добавим, что город как исторический феномен – это форма человеческого общежития, помимо всего прочего, еще и наиболее оптимальная в плане сбора, хранения и передачи информации. А информационное «поле», как полагают некоторые философы и физики-теоретики, например проф. М. Вонсон из Портсмутского Университета, вообще – одна из форм существования материи. А еще, особенно после работ Г.А. Кошеленко¹¹, что не каждый город – полис и наоборот. Ну, и что же наш Зенонов Херсонес? Полис, город или что? К счастью, весьма солидная археологическая и отчасти эпиграфическая «составляющие», позволяют хотя бы порассуждать на эту тему. Итак, и, прежде всего, это очень удачное во многих отношениях местоположение – великолепный ориентир для любого мореплавателя и не менее великолепный обзор всего побережья с вершин мыса! Бухты с востока и запада (здесь есть даже остатки очевидно древнего мола) полуострова – прекрасная возможность укрыться от любых штормов, особенно при наиболее сильных в Приазовье, господствующих северо-восточных ветрах. Так что, мимо этого полуострова, наверняка, не могли пройти и/или проплыть, не заметив его преимуществ, не только эллины (точнее – боспорские греки) но и иное, неведомое нам еще более древнее население, по крайней мере, эпохи средней и поздней бронзы¹². Поэтому появление на нем античного, причем самого раннего и, подчеркнем, долговременного (см. ниже) во всем Крымском Приазовье поселения было «гарантировано» всеми канонами эпохи колонизации (мыс, гавань, земля для наделов, см.: Хен. *Anab.* VI. 4. 3–6). Итоги раскопок позволяют уверенно судить не только о стратиграфии, хроноло-

⁹ Масленников 1992, 120–173.

¹⁰ Кругликова 1975, 256–277.

¹¹ Кошеленко 1980, 3 – 28; 1983, 220–224.

¹² Масленников 1992, 125–127; Дановский 2005, 159–170.

гии, изменениях общей и «частной» планировки, уровне строительного дела, фортификации, элементах благоустройства, но и, хотя бы отчасти, – жизни, быте и этнокультуре его обитателей. Есть наблюдения и относительно палеогеологии, а также древней и современной сейсмологии района мыса¹³.

Так что же это было? Просто рядовое сельское прибрежное поселение или все-таки городок, да еще в статусе полиса? Несмотря на размеры – весьма скромные даже по местным понятиям, данный объект заметно отличается (автор пишет это, опять-таки, со знанием дела) от всех соседних античных населенных пунктов. Археологически это выразилось скорее в «городских», нежели «сельских» особенностях оборонительных сооружений, относительно правильной общей планировке застройки, значительно более насыщенном разнообразными находками, местами весьма мощном культурном слое, аккуратно вымощенных нешироких, но более или менее прямых улочках, на которые выходили фасады помещений – домов, вход в которые был «оформлен» специально обработанными (под установку створок дверей) порожными камнями. Обращает на себя внимание достаточно просторное (10 x 7.2 м), тщательно вымощенное большими и очень большими плитами прямоугольное пространство (общественная площадь?) вблизи въезда на городище. Под ней проходил «городской» водосток, включавший в себя помимо высеченных в скале ям-коллекторов и закрытых желобов – траншей, сложенный из довольно солидных плит, прямоугольный в сечении «выход» – своего рода подземный лаз¹⁴. Не исключено, имелся и маяк или некое сооружение с дозорно-навигационными функциями, помещавшееся на вершине скального массива, возвышавшегося на северо-восточной оконечности мыса, а также подземный ход (есть местная «легенда» и археологические примеры некоторых других боспорских городищ), ведущий на берег под поселением. Несколько весьма глубоких и вместительных (коллективных?) ям-зернохранилищ, остатки также, возможно, общественных, по меньшей мере, трех виноделен, очень вероятное наличие одного-двух святилищ – тоже не «противоречат» высокому поселенческому «рангу» этого памятника. Довольно просторное граффито (известное как «граффито Зенонитов»)¹⁵ может рассматриваться (наряду с прочими, которых немало) не только, как свидетельство грамотности хотя бы части жителей (а их тут было совсем немного – вряд ли более 100 человек даже в «лучшие» годы), но и, судя по содержанию, наличия некоего религиозного (?) сообщества (известно 10 мужских имен). Может быть, в нем, исходя из суммы некоего взноса, содержался намек на размеры земельных владений его членов. Датировка этого документа – предположительно рубеж V–IV вв. до н.э., а интерпретация допускает и вариант с некоей «распиской» кредитно-денежного содержания.

Но особо отметим, крайне редкие для такой боспорской «глубинки» эпиграфические находки: девять фрагментов надписей¹⁶. И это при том, что как на соседних, так и отдаленных разновременных античных поселениях (Полянка,

¹³ Овсяченко и др. 2019, 133–152.

¹⁴ Масленников 1982, 120–173.

¹⁵ Блаватская, Розов 1985, 115 сл.; Сапрыкин, Масленников 2007, 132–135.

¹⁶ Напомним, что, кроме мыса Зюк, со всего Крымского Приазовья происходят лишь три такого рода артефакта: известная строительная надпись из района села Осовины (Парфений?) и два крохотных обломка неясного содержания со святилища близ городища Полянка и крепости у с. Ново-Отрадное. См. КБН 897; Сапрыкин 2011, 264–266.

Генеральское-западное, Бакланья скала, Сююрташ, Белинское, Артезиан, Семёновское) к настоящему времени раскопаны весьма и весьма значительные площади, превышающие те, что исследованы на мысе Зюк. Но вернемся к надписям. За исключением двух эпитафий (КБН 899–900) – это как будто бы (обломки двух-трех – слишком малы и неинформативны, чтобы трактовать их уверенно) части списков фиасотов II–III вв. н.э.¹⁷ А это, согласитесь, весьма примечательно. Ведь, как совершенно справедливо пишет признанный специалист в области боспорских фиасов и иных частных сообществ Н.В. Завойкина: «Частные сообщества – это явление сугубо городской, полисной жизни и в сельских поселениях они практически неизвестны»¹⁸. По ее подсчетам на начало второго десятилетия текущего века были известны надписи членов фиасов I–III вв. н.э. из 8 боспорских городов.¹⁹ Причем из таких достаточно исследованных и крупных по местным понятиям как Мирмекий, Китей, Киммерик, Патрей, Илурад(?), Киммерий(?) их происходит всего по одной-две, а из Тиритаки, Феодосии(!?), Акры, Кеп – и вовсе ни одной! Само наличие таких частных сообществ являлось одним из очевидных признаков существования гражданской общины типа «полиса», причем, на стадии его кризиса, вернее – позднем этапе бытования²⁰. Исходя из выше предположенной демографической характеристики Зенонова Херсонеса, можно допустить (полного текста ни одного списка фиасотов не сохранилось), что членами такого (таких?) религиозно-корпоративного союза (союзов?) фактически являлись все главы проживавших в нем семей или даже вообще все взрослые мужчины (человек 10–20). Для более раннего времени никаких прямых данных о наличии здесь некоей гражданской общины у нас нет. Да и для других, даже признанных центров Боспора такая информация крайне ограничена, если не отсутствует вовсе. Но разве это повод, чтобы утверждать обратное? Разве не общепризнано, что древние греки классического, да и эллинистического периодов в идеале и не мыслили себе иного образа коллективного проживания свободных, взаимно-организованных (выборные магистратуры управления и контроля) людей, кроме как в форме полиса?! (Arist. Pol. III. 4. 4). В полной мере это относилось и к организации их жизни на новых местах. (Вспомним хотя бы в этой связи о восстании греков-ветеранов в Бактрии и Согдиане во время похода Александра Великого именно из-за невозможности организовать свою общественную жизнь по привычному им «укладу бытия» – полисному самоуправлению²¹). Могут возразить: что это все было давно, относительно упомянутых надписей. Верно, но ведь раньше-то: «и смета-на была гуще, и сахар слаще...». То есть, традиционные уклады и обычаи были встарь даже более живучи и крепки. Так, что в первые века существования нашего «городка» на полуострове (как, впрочем, и многих, если не большинства других на Боспоре) его полисный статус был, по-видимому, «очевиднее». Впоследствии, особенно в римское время, общественное «звучание» полисных традиций, как известно, все больше уступало место частным интересам и, соответственно, иным формам сообществ.

¹⁷ КБН 898; Сапрыкин, Масленников 1999, 193–202; Сапрыкин 2022, 259–281.

¹⁸ Завойкина 2013, 129.

¹⁹ Завойкина 2013, 10, рис. 2.

²⁰ Завойкина 2013, 6–7, 129–130, 200–216.

²¹ Кошеленко 1979, 181–221.

Итак, значит – полис? А почему бы и нет. Вообще говоря, любое совместное (тем более компактное, на ограниченной укрепленной площади) проживание нескольких (судя по приблизительному числу одновременно существовавших домов-помещений, таковых могло, как только что писалось, быть немногим более десятка) семей-соседей, любой, по чьей-то воле или какими-то обстоятельствами созданный коллектив обязательно требует некоей организационно-контрольной структуры, наделенной сакральными, военными, хозяйственными и политическими функциями. Ну, чем ни полис – гражданская община!? Не хватает лишь главного. Классический полис, как известно, это еще и сочетание частной и общественной собственности на землю. Не исключение – и древнегреческие «колонии». А как иначе? Ведь они – эти эмигранты, как совершенно справедливо утверждали авторы «честуемой» статьи, отправлялись в силу разных причин «за моря», в первую очередь, чтобы просто жить. Никакой специальной торговой или аграрной колонизации не было²². Жить, по возможности максимально обеспечивая себя всем необходимым, занимаясь при этом всем, чем надо, выгодно или удобно. Естественно, земледелием – в первую очередь. Но здесь наша доказательная база практически отсутствует. Ни соответствующих документов (упомянутое граффито Зенонитов, напомним, все-таки весьма противоречивый источник), ни усадеб на клерах, ни самих следов этих наделов в ближних и дальних окрестностях мыса Зюк нам пока не известно. Впрочем, аналогичную ситуацию можно констатировать и в отношении даже самых «однозначных» боспорских городов-полисов. «Картина» эта, да и то лишь, главным образом, для IV–II вв. до н.э. и то не повсеместно, стала постепенно наполняться археологическим «содержанием» только в самое последнее время благодаря масштабным раскопкам на пространствах предполагаемой хоры больших городов (Пантикапей, Горгиппия, в меньшей степени – Фанагория, Нимфей и Феодосия). К тому же, опять-таки, как известно, усадьбы и размежевка клеров в их классическом виде (для северопонтийского региона это ближняя хора Херсонеса) – признак хозяйств, ориентированных в основном на виноградарство и виноделие. А соответствующие природные условия и, не исключено, иные факторы предполагали на Боспоре другие «приоритеты». Но именно приоритеты (виноделием вообще здесь занимались, да еще как занимались!²³) которые, по всей видимости, не оставались неизменными. Но вернемся к нашей теме.

Могут возразить: «Для наличия городского и полисного статуса не хватает собственной монеты». Но уж слишком мал этот населенный пункт; и зачем ему «такие хлопоты»? Хватит и иногороднего (пантикапейского) чекана. Главное, все-таки, – другое. Полис, в понимании, тех, кто «в нем» жил, а равно и современных исследователей – это, говоря словами первых – и бесконечное число раз повторяемых вторыми: «...люди, а не стены, и не корабли...», точнее – коллектив граждан (Hdt. VIII. 61; Thuc. VII. 77. 7; Arist. *Pol.* I. 1. 1. 1252a).

Что же касается городского «ранга» здешнего поселения, то, как выше уже писалось, античный город – прежде всего – центр (пусть даже и узколокальный и небольшой) ремесла и торговли. Наш крохотный населенный пункт по первому из этих показателей вряд ли «дотягивает», но по второму – не исключено. Уж очень,

²² Кошеленко, Кузнецов 1992, 13.

²³ Винокуров 2007.

повторим, удобное место. Вообще же археологические признаки города в отличие от полисного статуса – задача с еще большим числом очевидных и неочевидных вопросов, фактов и наблюдений. Добавим в данном случае, кроме вышеупомянутых, еще несколько.

Во-первых, хронология. Как правило, хотя исторические коллизии, как известно, бывают разными, поселения городского типа – самые долговременные. Это в силу ряда причин (см. выше) не случайно и в полной мере относится и к Боспорскому государству. Я не знаю местных, в особенности Приазовских т. н. сельских поселений (а их множество) разного типа, которые бы просуществовали столь же долго и непрерывно, как на мысе Зюк. Самая «общая» датировка его: несколько позже рубежа VI–V вв. до н.э. (см. ниже) – вторая/третья четверти VI в. н.э.²⁴ Все прочие, в том числе, куда большие по площади (Генеральское-западное, Манитра, Артезиан, Белинское, Семеновское, Сююрташ и даже Илурат) не «пробытовали» и половины этого срока.

Во-вторых, и это не менее примечательно: само наименование городища на мысе Зюк. Казалось бы: что в нем и в этом особенного? Да, мы не знаем самоназваний подавляющего большинства местных населенных пунктов²⁵. Но в данном случае, благодаря «Географии» Птолемея нам повезло. Однако обращает на себя внимание другое – персонифицированность этого наименования. На Боспоре, как все знают, таковых всего-то: Фанагория, Гермонасса, Горгиппия и, кажется, Савроматий (КБН 970). Почти все это – солидные (по местным «меркам») города, получившие свои имена от ойкистов или их близких, либо – членов правившей династии и даже самих царей. Два первых названия, скорее всего, связаны с разными этапами «первичной» (классической) колонизации части боспорского региона. Остальные – с разными периодами, так сказать, внутренней (см. ниже). Специально занимавшийся данным вопросом И.Е. Суриков отмечает, что за редчайшим исключением традиция именовать новый населенный пункт в честь его основателя не фиксируется у греков ранее IV в. до н.э.²⁶ Боспор тут – вроде бы как некоторое исключение. И Зенонов Херсонес – в их числе! Правда, мы не знаем: всегда ли поселение на этом мысу называлось именно так, то есть, был ли некий Зенон его ойкистом или же... И тут возможны всякие «варианты». Напомним, данное имя появляется в боспорской просопографии с конца IV в. до н.э., но более характерно для первых веков н.э.²⁷ Так или иначе, но это тоже признак скорее города, вернее, апойкии, нежели рядового сельского поселения. Полисный же статус от имени основателя населенного пункта напрямую не зависел.

И все-таки, как же быть с «нашим» поселением? Уж очень оно маленькое даже по боспорским реалиям. Причем, судя по материалам раскопок, площадь его почти не менялась за все время существования, оставаясь фактически в границах ранней апойкии, хотя, наверняка, были тут и времена процветания, и наоборот... А ведь, повторим вновь: сам – то полуостров так удобен! И, тем не менее, он даже

²⁴ Масленников 1992, 141, 167.

²⁵ А их, особенно сельских и относительно недолговечных, за тысячелетнюю историю Боспора было сотни. И каждое, разве что за исключением сторожевых пунктов-башен, да и то..., ведь непременно когда-то, как-то называлось.

²⁶ Суриков 2022, 160–161.

²⁷ КБН 116; с. 114 и 869.

далеко не весь был «освоен» (из 25 десятин общей площади в конце XIX в.), равной примерно такому же числу гектаров, само городище в пределах вала занимало вместе со склонами, скалами и иными «неудобьями» не более 1.5 га. В настоящее время эти цифры, вследствие упомянутой береговой абразии, еще меньше). Мыс не был даже укреплен (перегорожен) в своей самой «выгодной», узкой части – у основания. Нет следов укреплений или иных строений и на господствующей высоте – большом холме, занимающем его центральную часть. Правда всю его – мыса поверхность нельзя назвать ровной, но и совершенно непригодной для застройки – тоже. Повторим, на ней почти нет следов культурного слоя или некрополя (последний помещался, судя по информации Дирина и нашим изысканиям, уже за пределами мыса, подчас, довольно далеко). Что же помешало этому поселению расширяться, так сказать, естественным образом? Думается, причин было три. Первая – отсутствие источников пресной воды²⁸. Рядом с мысом нет значительных по площади, удобных и достаточно плодородных земельных угодий. Почвы сейчас, да и, скорее всего, в прошлом на сопредельных (в несколько километрах) пространствах сильно засоленцованны и никак не возделываются. Это – во-вторых. Селяне до относительно недавнего времени занимались здесь в основном рыбным промыслом и отчасти скотоводством (нынешний «курортный бизнес» – сродни в некотором роде древней торговле: сезонный и малонадежный). Впрочем, как отмечалось выше, виноделье и хлебопашество древние обитатели городка на мысу все-таки практиковали. И, наконец: весь мыс не был освоен ни в средневековье, ни в новейшее время (исключая разве что упомянутые кладбища) еще и по причине сильнейших, особенно осенне-зимних, северо-восточных ветров, от которых, по опыту знаю, на нем почти вовсе негде укрыться кроме, и то отчасти, собственно территории городища. Вероятно, были и иные причины того, что эта апойкия так не доросла до настоящего города.

И такой «сюжет» тоже предусмотрели авторы неоднократно вспоминаемой статьи. Читаем: «...первые апойкии..., как правило, основывались на островах или полуостровах в целях безопасности...»²⁹. В дальнейшем, освоившись, перво-поселенцы или их ближайшие потомки и/или новые партии «колонистов» переселялись на более отвечающие их возросшим потребностям места, а на старых – оставались лишь те, кто по каким-то причинам предпочли не менять места и образа жизни³⁰. Таковых могло оказаться совсем немного. Может быть, именно так обстояло дело с поселением-апойкией на мысе Зюк. Второй стадии развития в силу приведенных только что обстоятельств – здесь и вовсе не последовало. Как знать: не обосновались ли на мысу изначально вообще лишь несколько семей во главе с неким «ойкистом-архонтом» Зеноном, впоследствии намеренно не допускающая сколь-либо значительного роста своей маленькой общины – полиса. Причем такая ситуация не менялась столетиями. Что ж, это вполне в духе совета Гесиода: иметь одного сына – наследника.

²⁸ Ближайший – и не лучшего качества, в настоящее время имеется в восточной части пересыпи Чокракского озера и моря, примерно в 2 км от мыса. Вся питьевая вода в с. Куротное до сих пор привозная.

²⁹ Кошеленко, Кузнецов 1992, 9.

³⁰ Кошеленко, Кузнецов 1992, 10.

Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится
В целости отческий дом и умножится всяким богатством.
Пусть он умрет стариком – и опять одного лишь оставит.
(Гесиод. Труды и дни, 376–379. Пер. В.В. Вересаева)

Данное замечание, каким бы чисто дидактическим оно ни было, все-таки требует учета при всякого рода демографических «построениях». Разумеется, совет Гесиода имел смысл в условиях ограниченности ресурсов, прежде всего, земель в метрополии (иначе не было бы и самой колонизации), да и то не везде. В ничем и/или никем не «стесненных» условиях «колоний» он, напротив, мог «работать» против благополучия их населения. По крайней мере, изначально, да еще с учетом наверняка высокой детской и не только смертности вследствие адаптации к новым и не всегда благоприятным условиям жизни. Но в дальнейшем он вполне мог «заработать». Так что мнение об относительной многочисленности средне-статистической семьи боспорского горожанина и/или поселянина (что ни одно и то же) вряд ли «имело место быть». Впрочем, реалии, как всегда, наверняка были «разнообразнее».

Итак, думается: городок (апойкия-полихнийон) на мысе (полуострове) Зюк – это, община-полис Зенонитов. Или...? Или это изначально была часть пантикапейской общины, как полагают наши уважаемые коллеги А.А. Завойкин, С.Ю. Сапрыкин и, вероятно, другие. Ведь не будем забывать, что боспорский город и боспорский полис в силу ряда причин (внешняя угроза, наличие уже с довольно раннего времени авторитарной централизующей власти сильнейшего из них – Пантикапея и, как следствие, – подчиненное положение остальных, а, возможно, и вообще проводимая как бы «сверху» внутренняя колонизация – см. ниже), наверняка, имели свою специфику. Что же касается прочих населенных пунктов на хоре Боспора (частные и «царские» усадьбы, сторожевые пункты, варварские деревни, поселения – крепости со смешанным населением), то формы самоорганизации их жителей были, скорее всего, иными и не предполагали полисного статуса, так сказать, по определению. Ими руководили «со стороны», «сверху».

Здесь бы автору и поставить точку, но... После всего сказанного встает вопрос об этой самой «вторичной», а точнее – внутренней колонизации. Была ли она или мы имеем дело с несколькими этапами все того же классического феномена. Иными словами: о хронологии, причинах появления и статусе так называемых малых боспорских городов. Разумеется, само деление поселений с городским и/или полисным статусом на «большие» и «малые» достаточно условное, не общепринятое и не всегда однозначное.³¹ Появившись еще как бы на «заре» отечественного полевого и, так сказать, городского антиковедения, оно опиралось почти исключительно на данные о площади того или иного памятника и его более или менее уверенном соотношении с названием, известным по письменным источникам. Прежде ведь, как известно, в число «малых» включали Мирмекий с Тиритаккой и, пожалуй, Нимфей, Кепы и Патрей. Теперь от этого фактически отказались. Зато к их числу вроде бы единодушно относят Порфмий и т.н. Парфений (в одном из вариантов его локализации), а также Гермесий, Зифирий, Казеку, Гераклий,

³¹ Из относительно недавних работ на эту тему см.: Завойкин 2009, 176–205.

Ахиллион, Корокандаму, Стратоклею, Тирамбу, Апатур, Торик, Баты, Абораку да и постоянно ускользающие от археологов Киммерий и Киммерик, сама локализация которых спорна или вовсе неизвестна. Есть, наконец, еще проблема статуса Лабриса (Семибратнее городище) и несколько названий местных «городов», упомянутых Птолемеем, с которыми вообще все загадочно. Зато с некоторыми (Китей, предполагаемая Акра и все тот же Зенонов Херсонес), напротив, благодаря интенсивным исследованиям последних десятилетий, многое, в том числе относительно их площади и археологической характеристики «прояснилось». Но нас, в данном случае, интересуют только вопросы хронологии, а точнее – времени их основания. Об обстоятельствах же одного мы можем только делать предположения, да и то совсем робкие.

Начнем с Китея, самого, как все знают, «опубликованного» на сегодняшний день боспорского города. Вообще говоря, когда речь заходит об этом действительно очень интересном памятнике, кажется, никто не обращает внимания на его самое невыгодное во всех отношениях местоположение. Тот, кто бывал на этом городище и знаком с тамошним ландшафтом и особенно характером черноморского побережья, а равно (для сравнения) и другими прибрежными античными археологическими объектами всего Керченского полуострова, не мог не отметить, что более... неподходящего места для поселения просто не подобрать. Действительно: берег высок, обрывист и очень сильно подвержен абразии; бухты, залива или мыса нет; нет и хоть сколь-либо примечательной возвышенности/скального массива для цитадели или маяка; нет вообще никаких (овраги, русла рек) естественных преград/укреплений; нет, наконец, и источников пресной воды, включая водоносные горизонты (ни одного колодца не раскопано до сих пор). Кроме того, место это открыто всем ветрам. Пожалуй, только более или менее плодородные земли вокруг «перекрывают» все эти недостатки. Могут возразить: так все обстоит сейчас, а вот в древности... Вряд ли, однако, и тогда ситуация со всем этим была кардинально иной, а главное – радикально благоприятной (или же мы вообще ничего не понимаем в палеогеографии?). И, тем не менее, место для поселения было выбрано именно тут! Загадка. Но оставим ее «разгадку» специалистам соответствующего профиля, а сами перейдем к материалам почти полувекových раскопок.

Поскольку нам важно определиться с датой основания Китея, обратимся к самым ранним находкам вначале с территории городища. Но перед этим полагаем сделать следующее «отступление», касательно археологической хронологии. Естественно, первостепенную роль первоисточника в этом случае играет столовая посуда и амфорная тара. И та и другая, особенно амфоры, – массовый материал. Все остальные артефакты куда менее информативны, если только это не эксклюзивные предметы (конечно, «каждая вещь имеет свою судьбу», а особенная – «особенную», но...). Кроме того, надо учитывать, что те или иные определения/датировки время от времени уточняются или меняются. А главное – хоть как-то считаться с тем, что время изготовления и срок бытования (использования) – «две большие разницы». Общепринято, что тара в целом имеет более узкую датировку ввиду своей относительной недолговечности, как таковой. Предельная «узость»

ее в настоящее время «равняется», как известно, четверти века.³² По мнению С.Ю. Внукова, средний срок использования амфор, как винной тары, при всех возможных или допустимых оговорках и обстоятельствах, составлял приблизительно в 5–7 лет, а при повторном употреблении – лет 15–20³³. Столовая же, в том числе расписная керамика (некоторые «виды» которой могут датироваться даже более точно, нежели амфоры) в силу разных житейско-бытовых причин и поводов, опять-таки в целом, могла оставаться «в ходу» дольше (вспомним о пресловутом «бабушкином сервизе» и не только). Насколько именно – сказать сложно. Наконец, последнее предварительное замечание: никто не отменял при всякого рода определениях «субъективного» фактора. Что мы имеем в виду? А то, что по идее, «освидетельствование» всего соответствующего материала «в натуре» хорошо было бы провести специалистам «...удостоенным доверенности товарищей...». Ну, скажем: А.В. Буйских и С.Ю. Монахову. Да только как это сделать?

Итак, согласно Е.А. Молеву, за первые 25 лет раскопок: «Наиболее ранние находки амфор... датируются второй четвертью – серединой V в. до н.э.»³⁴. По результатам работ в начале нового тысячелетия мнение его в принципе не изменилось³⁵. Лишь один фрагмент ножки (подсчет и определения велись в основном по ним) (Хиос IIIA) можно датировать рубежом VI–V вв. до н.э. Все прочие ножки амфор примерно одинаково распределяются по четвертях все того же века, но, только начиная со второй³⁶.

Расписная керамика. Это около двух десятков фрагментов т.н. восточно-греческой (северо-ионийской) посуды. Общая датировка: вторая половина, конец VI – начало V вв. до н.э. или даже несколько позднее (по слою обнаружения)³⁷. Сам Е.А. Молев предполагал, что она происходила из некоего греческого поселения, предшествовавшего собственно Китею или принадлежала его первопоселенцам в самом начале V в. до н.э.³⁸. Находок чернофигурной керамики – даже меньше, что вряд ли случайность. Уверенно датируемые обломки таких сосудов (круг мастера Хаймона) относятся к первой четверти V в. до н.э. или, как сейчас принято: 495–475 гг. до н.э.³⁹. Значительно больше фрагментов краснофигурной посуды. Те, что поддаются датировке, принадлежат в основном второй четверти IV в. до н.э. и позже.⁴⁰ Тем же временем и последующим периодом – до конца первой трети следующего века датируются куда более многочисленные обломки «простой» чернолаковой посуды.⁴¹ Слоя или отдельных закрытых комплексов VI – начала V вв. до н.э. на городище не выявлено.

Таким образом, налицо предположенное выше некоторое «несоответствие», несинхронность (длиной примерно в одну четверть/треть века) датировок раннего

³² Из последних суждений относительно современных возможностей археологического датирования на основании амфор и расписной посуды сошлемся: Кузнецов 2022, 148.

³³ Внуков 2015, 161–169.

³⁴ Молев 2010, 133.

³⁵ Молев 2022, 148.

³⁶ Молев 2022, 154–155, табл. 8.

³⁷ Молев 2016, 240–247; 2022, 286–289.

³⁸ Молев 2016, 241; 2022, 287.

³⁹ Молев 2016, 241; 2022, 287.

⁴⁰ Молев 2016, 249–267; 2022, 290–291.

⁴¹ Молев 2016, 279–309; 2022, 292 сл.

импорта в Китей амфорной тары и столовой посуды. Объяснение этому уже предлагалось, хотя и кажется нам не вполне убедительным (перво-, а точнее «предпоселенцы», что вовсе не пользовались амфорной тарой?) Скорее причина, как только что писалось, в относительно более долгом бытовании части (ранней) расписной керамики. В данном (и не только) случае, это может объясняться еще и тем, что она помимо чисто утилитарных (скорее всего, как бы впоследствии, в том числе и не вполне пригодная к бытовому употреблению) служила еще и сакральным функциям: в качестве приношений в святилища или инвентаря погребений и тризн (см. ниже)). Это, кстати, вполне подтверждается особенностью местонахождения большинства таких обломков: китейский зольник при некоем городском святилище, появившемся, вероятнее всего, не сразу, то есть, не в момент основания городка. Как долго они оставались там – совершенно неизвестно. Но вряд ли очень продолжительно: ведь время от времени принято было «избавляться от старья», в результате чего собственно и появился упомянутый зольный холм – главная археологическая достопримечательность Китея. Но вернемся к хронологии. Сам Е.А. Молев, видимо, руководствуясь теми же предположениями, осторожно писал о первой половине V в. до н.э., как дате основания городка⁴².

Некрополь Китея также предоставляет некоторый материал по рассматриваемому поводу. Здесь на сегодняшний день по информации В.А. Хршановского было раскопано более трехсот пятидесяти различных погребальных объектов и комплексов (могилы, склепы, остатки тризн и т.п.). Но лишь пять-шесть из них отнесены им к V в. до н.э. Рассмотрим их подробнее. В одной грунтовой могиле без перекрытия в ногах погребенного стояла протофасосская амфора⁴³. Согласно И.Б. Зеест⁴⁴, эта тара выпускалась на протяжении почти всего V в. до н.э., а самые ранние экземпляры, возможно, относились еще к концу предшествовавшего столетия. Странным образом, именно эта амфора не вошла в каталог С.Ю. Монахова и его коллег (2016). Но, вообще, по мнению этого же автора, фасосские амфоры конического-биконического типа (а рассматриваемый экземпляр именно такой) датируются по большей части второй половиной V в. до н.э.⁴⁵ Амфоры же «круга Фасоса» аналогичной морфологии (с цилиндрическим горлом) вообще «опускаются» в конец V в. до н.э.⁴⁶

Следующая грунтовая могила без перекрытия содержала остатки тризны над погребением и железный гвоздь⁴⁷. На основании чего авторами данной публикации была установлена дата V в. до н.э., то есть, что находилось в тризне, не сообщалось. Третья аналогичная могила также была безинвентарной, но рядом расчищено конское захоронение, у черепа которого сохранились остатки железных удилов и железный же наконечник копья.⁴⁸ Широкая датировка самого погребения (женского?) V в. до н.э. сделана только на основании этих находок.⁴⁹ А вот еще одна аналогичная могила без перекрытия благодаря фасосской амфоре и разва-

⁴² Молев 2022, 287.

⁴³ Молев, Шестаков 1991, 61, рис. 6, 1.

⁴⁴ Зеест 1960, 80. Табл. V, 156.

⁴⁵ Монахов 2003, 76.

⁴⁶ Монахов 2003, 79–83.

⁴⁷ Молев, Шестаков 1991, 89.

⁴⁸ Молев, Шестаков 1991, 90.

⁴⁹ Молев 2010, 102.

лу чернолакового килика определенно относилась ко времени не ранее третьей четверти V в. до н.э.⁵⁰ В разоренной каменной подкурганной гробнице довольно далеко от городища среди прочих керамических обломков присутствовали – хисосских амфор и дно чернолакового килика второй–третьей четвертей V в. до н.э.⁵¹ Наконец, упомянем «явно асинхронные» соответствующему (прочему) археологическому контексту (перемещенный грунт с разновременными находками) фрагменты чернофигурного кратера последней четверти VI в. до н.э., скорее всего, «вторично» использованного в тризне или иным способом.⁵²

Таким образом, в китейском некрополе пока уверенно не выявлено погребений ранее второй четверти V в. до н.э. В реальности же эти захоронения могли быть совершены и еще позже. Итак, материалы раскопок однозначно не демонстрирует дату основания Китея ранее только что указанного времени.

Наш следующий объект рассмотрения и пример «малого» города – Акра. С данным памятником принято в настоящее время связывать практически затопленное водами Керченского пролива городище близ села Заветное в юго-восточной части Керченского полуострова. Свою известность в последние годы оно получило благодаря результативным подводным исследованиям⁵³. Напомним основные характеристики этого объекта. Топографически это и сейчас весьма примечательное место: узкая пересыпь между мелководным соленым озером и гораздо большее по площади пространство под водой непосредственно к востоку от него. Уровень пролива поднялся здесь по отношению ко времени бытования городка не менее чем на 3–4 м (о прочих особенностях палеогеографии, истории исследований, планировке, строительных остатках и находках на поселении читатель может осведомиться в следующих основных публикациях⁵⁴). Заметим, впрочем, далеко не первыми, что само название этого городка предполагает некую возвышенность. Между тем, как собственно городище расположено в низине. Довольно значительный и высокий прибрежный «холм», вернее участок берега, возвышается почти сразу к югу, но на нем или его склонах нет следов культурного слоя. Так, что локализация этого античного населенного пункта все же не вполне очевидна. Но не в этом в данном случае суть.

Самые ранние, единичные достоверные находки (обломки столовой посуды) на территории этого объекта, в том числе под водой, относятся чуть ли не к середине VI – второй половине V в. до н.э.⁵⁵ Амфорный же материал, подчеркнем, вообще «не выходит» за пределы IV в. до н.э. И хотя авторы упомянутой книги пишут, что Акра была основана в конце VI в. до н.э. «в процессе вторичной колонизации»⁵⁶ никаких иных, кроме упомянутых, а также уникально-нумизматических⁵⁷ археологических подтверждений этому пока нет. Оборонительные постройки (кстати, весьма высокого качества), выявленные под водой, относятся к

⁵⁰ Хршановский 2004, 384–385 сл.

⁵¹ Хршановский 2020, 44–45.

⁵² Петракова и др. 2015, 10–102.

⁵³ Соловьев и др. 2021.

⁵⁴ Kulikov 2007, 1023–1056; Соловьев и др. 2021.

⁵⁵ Соловьев и др. 2021, 26, 89.

⁵⁶ Соловьев и др. 2021, 31.

⁵⁷ Kulikov 2007, 1028.

началу – первой половине IV в. до н.э.⁵⁸. Причем, под башней был прослежен заметный слой сильного пожара, имевшего место, где-то незадолго до этого⁵⁹. Затем укрепления были быстро перестроены и просуществовали либо до II в. до н.э., либо несколько дольше⁶⁰. В период расцвета поселения его застройка в целом носила городской облик, а общественная организация жителей, по-видимому, была полисного типа⁶¹. Вероятно, вначале община была подчинена Нимфею, являясь его выселком в ходе вторичной колонизации⁶², но потом вошла в состав Боспорского государства. Однако уже ко II–I вв. до н.э. поселение, ввиду довольно быстрого затопления, утратило городской⁶³, а равно и полисный статусы. Во всяком случае, как известно, Страбон упоминает Акру, как «*кому*» на «пантикапейской земле» (Strab. XI. 2. 8) (что под этим следует понимать – тема отдельной дискуссии). Относительно небольшие по масштабу исследования сопредельных некрополей до сих пор не выявили погребений интересующего нас времени. Итак, даже V в. до н.э. (вторая половина – конец), как дата основания городка, пока – под сомнением, хотя и вполне вероятен. Все же надо считаться с тем, что в силу объективных причин, ранние слои городища фактически не исследованы. Но на его предполагаемой хоре одно из поселений (Заветное V) раскопано весьма основательно. Однако и там картина примерно такая же: самые первые постройки появляются в конце V в. до н.э., хотя отдельные, более ранние (около середины VI в. до н.э. и позднее) находки (правда, не совсем ясного археологического контекста) изредка попадаются⁶⁴). В итоге, можно остановиться, по крайней мере, на последней трети/четверти V в. до н.э.?

По другую сторону Китея находится Киммерик. Согласно уточненным датировкам, поселение на холме А (восточное подножье г. Опук) возникло во второй четверти V в. до н.э.⁶⁵. Но Киммерик ли это? Следы же пребывания некоего населения на вершине упомянутой горы (по-иному пока охарактеризовать данный археологический объект не представляется возможным) в виде обломка амфоры, датирующегося не ранее последней четверти VI в. до н.э.⁶⁶, можно посчитать случайными. На западном склоне Опука находок интересующего нас времени вообще до сих пор не сделано, хотя по всеобщему и всегдашнему мнению это – самое удобное место для городка с гаванью. Зато, именно из прилегающей акватории Черного моря происходят несколько (6) амфор: три – второй четверти/конца V и три – IV вв. до н.э.⁶⁷ Это, наряду с информацией подводных исследователей о наличии развалов неких построек, якорей и скоплений керамики, в том числе и античного времени, на глубинах от 4 м и более в основном к юго-западу от городища у подножья г. Опук,⁶⁸ все же оставляет вопрос о местонахождении

⁵⁸ Соловьев и др. 2021, 59, 68, 72.

⁵⁹ Соловьев и др. 2021, 78–79.

⁶⁰ Соловьев и др. 2021, 72, 153.

⁶¹ Соловьев и др. 2021, 153.

⁶² Соловьев и др. 2021, 153.

⁶³ Соловьев и др. 2021, 153.

⁶⁴ Соловьев и др. 2021, 35, 57.

⁶⁵ Завойкин 2013, 138.

⁶⁶ Завойкин 2013, 144, 146–147.

⁶⁷ Монахов и др. 2016, 62, 70, 82, 116, 181, 184.

⁶⁸ Зеленко 2008, 183–186; Зинько, Шамрай 2009, 449–458.

раннего Киммерика⁶⁹ открытым. В этой же связи упомянем, что согласно очень осторожному предположению В.И. Мордвинцевой, хорошо известная специалистам-археологам стена на восточном склоне г. Опук, являющаяся одним из самых, если не самым протяженным каменным сооружением такого рода на Боспоре (прослеженная длина более 800 м при ширине 3–5 м), была построена еще до второй половины V в. до н.э.⁷⁰ Что она огораживала (поселение на холме А или что-то иное) остается неясным. Напомним, это поселение, в сущности, один, хотя и относительно большой дом (усадебный?) было раскопано полностью (относительно его сравнения (в плане) с архаическим Ториком, что делалось неоднократно, подчеркнем, что, исследовавшая оный Н.А. Онайко, всегда уточняла: «так называемый» Торик). Его демографический потенциал был явно недостаточным для сооружения столь солидного укрепления. Уж не «киммерийские» ли это стены, упомянутые Геродотом (IV. 12)? Хотя, помимо только что заданного вопроса: «зачем», вообще маловероятно, чтобы любое догреческое местное население было способным это сделать в силу отсутствия всякого опыта каменного строительства (впрочем, все эти догадки не только нам приходили в голову). Итак, искомая дата для Киммерика(?): не ранее второй четверти V в. до н.э. По крайней мере, пока.

Порфмий. Принято считать, что этот городок, а максимальная площадь его застройки не превышала 0.7 га⁷¹, располагался в районе современной паромной переправы. Вероятно, где-то там же находился и один (северный) из древних переездов (брод?) на другую сторону пролива, который столь красочно описал Геродот (IV. 28). Есть мнение, впрочем, спорное, что им упомянут и сам этот населенный пункт⁷². Материалы его многолетних раскопок изданы несравненно хуже Китея, но слои, постройки и находки, предшествовавшие хорошо сохранившейся и основательно раскопанной крепости III–I вв. до н.э., все-таки достаточно представительны. Согласно исследователям памятника Е.Г. Кастанаян и М.Ю. Вахтиной, первое поселение на этом месте появилось «приблизительно в середине – начале третьей четверти VI в. до н.э.»⁷³ (обоснование: горло милетской амфоры третьей четверти этого века, фрагменты североионийского «полосатого» кувшина, расписных («чешуйчатых») клазоменских амфор и чернофигурных сосудов второй половины/конца того же столетия). По имеющимся публикациям судить более основательно именно о самой ранней амфорной таре не представляется возможным. А жаль, ибо хронологическое соотношение этих двух групп керамики остается неясным. Немногие же целые экземпляры, согласно своду С.Ю. Монахова, датируются V–IV вв. до н.э. По мнению Ю.А. Виноградова, разделяемому и М.Ю. Вахтиной, подобно Мирмекию и Тиритакке Порфмий возник вследствие «вторичной» колонизации, инициированной Пантикапеем, и не являлся самостоятельным полисом⁷⁴. Примечательно, что концом первой трети V в. до н.э. датируется второй (первый – рубеж VI–V вв. до н.э.) «случай» всеобщего пожара и разрушения на

⁶⁹ См. противоположную точку зрения: Завойкин 2013, 146–147.

⁷⁰ Мордвинцева 2014, 270.

⁷¹ Вахтина 2009, 92.

⁷² Herod. IV. 45 – пер. Стратоновского (1972 г). См.: Доватур, Каллистов, Шишова 1982, 271.

⁷³ Вахтина 2009, 92–96.

⁷⁴ Вахтина 2009, 92.

городище⁷⁵. Впрочем, дальнейшие раскопки, если они, наконец, воспоследуют, могут уточнить время этого и иных обстоятельств его истории.

К хоть как-то исследованным малым городам Европейского Боспора можно отнести и соседний с Порфмием (согласно господствующей, но не бесспорной, как нам представляется, в настоящее время локализации) памятник – Парфений⁷⁶. Площадь его, предположительно, от одного до 3 га. Исходя из прежних (1949 г.) находок, самый ранний слой относился к V–IV вв. до н.э.⁷⁷ Но V в., по мнению А.А. Завойкина, все же не очевиден⁷⁸. Небольшие по площади относительно недавние, к сожалению, не получившие продолжения раскопки позволили уточнить эту хронологию. Так, возникновение здешнего поселения относится теперь ко второй половине VI в. до н.э., а точнее – его третьей четверти (закрытый комплекс, включавший фрагменты клазоменских, хиосских с воронковидным горлом, лесбосских красноглиняных амфор вместе с обломками клазоменской же расписной столовой амфоры, мелкофигурных киликов и ионийской «полосатой» столовой посуды). Самые же ранние находки оттуда же – фрагменты чаши с точечными розетками(!)⁷⁹. Примечательно обнаружение участка весьма солидной (шириной 2.25–2.5 м) ранней оборонительной стены. Ей предшествовал слой пожара с находками конца VI – первой четверти/трети следующего века⁸⁰. Иными словами, данный объект – в отношении ранней хронологии, как бы «двойник» Порфмий. Раскопки некрополей обоих поселений пока ничего не предоставили в плане вышеизложенного.

Возвращаемся к мысу Зюк. Анализ соответствующих находок как случайных, так и происходивших, главным образом, из первичных напластований местного зольника, сводился к следующему: «Среди самых ранних <...> практически нет, датируемых только VI в. до н.э. Почти все они относятся к концу VI – первой четверти V вв. до н.э. <...> отсутствует расписная посуда восточно-греческих центров». Аттическая чернофигурная керамика не ранее первой четверти V в. до н.э. и позднее встречается в стратиграфически более поздних слоях: «Среди амфор первого слоя преобладают исключительно хиосские (вновь, не ранее первой четверти V в. до н.э.)». Редкие образцы ранней чернофигурной посуды относятся ко второй–третьей четвертям этого же века⁸¹. С учетом всего, касательно интерпретации разных категорий находок и их корреляции, о чем уже писалось выше: «Создается впечатление, что поселение здесь возникло... после прекращения массового вывоза расписной посуды из восточно-греческих центров, то есть, скорее всего, после 494 г. до н.э.»⁸². Более же ранние находки, возможно, говорят о пребывании, не исключено эпизодическом, на мысу некоего населения. Может быть, – сезонных мореплавателей, державших путь вдоль западных берегов Меотиды. Косвенное свидетельство тому – загадочное поселение-эмпорий (Кремны?) у Таганрога и в целом весьма хорошая осведомленность образованных греков об

⁷⁵ Вахтина 2009, 95, 99.

⁷⁶ Кастанаян 1958, 254–255; Завойкин 2013, 118; Масленников 2020, 354 – 369.

⁷⁷ Кастанаян 1958, 254–264.

⁷⁸ Завойкин 2013, 118.

⁷⁹ Столяренко 2012, 406–407; Столяренко, Кропотов 2016, 160–161.

⁸⁰ Столяренко 2013, 54.

⁸¹ Масленников 1992, 141.

⁸² Масленников 1992, 141.

этом море, засвидетельствованная Геродотом (он упоминает его аж 14 раз!). Но, возможна и их (находок) иная (см. выше пример с Китеем и не только) интерпретация.

Только что упомянутый 494 г. до н.э., конечно, не случаен. Ибо, как знать, не следствием ли известных исторических событий в далекой Ионии стало поселение на мысе Зюк? Как, впрочем, быть может (см. ниже), и Киммерик (холм А), и Китей, и, не исключено, Акра(?), и... Такую возможность предполагали и авторы статьи, заставившей нас обратиться к данной тематике. Читаем: «... примерно в первую четверть V в. до н.э. на территории Керченского и Таманского полуостровов появляется несколько десятков новых поселений, не говоря уже о разрастании старых. По всей видимости, определенную часть населения этих поселений составляли ионяне, бежавшие из разных городов после поражения восстания против персов»⁸³.

Конечно, в полной мере установить соответствующие исторические реалии нам не дано. Но все же создается впечатление, что только что упомянутые археологические объекты, согласно имеющимся на сегодняшний день материалам и датировкам, появились в качестве апойкий, а затем постоянных городских (предгородских?) населенных пунктов и полисов(?) почти одновременно, вернее: как бы в следующей последовательности: Зенонов Херсонес, Китей, Киммерик и, некоторое время погодя, Акра(?). Относительно остальных «малых городов» по обе стороны пролива в силу их слабой или вовсе не исследованности судить пока невозможно.

Однако 494 г. и рубеж первой–второй четвертей V в. до н.э. все-таки ни одно и тоже время. Ну, ни «Одиссеи» же все эти переселенцы-скитальцы, чтобы странствовать почти полтора десятка лет?! Впрочем, как знать: может быть, их путь в указанные места был, так сказать, непрямым (самый известный боспорский пример: будущие фанагорийцы: жители города Теос вначале перебрались во Фракию (Абдеры) и лишь потом (около 540 г. до н.э.) основали Фанагорию⁸⁴). «Беженцы» (не уверен, ставить ли это слово в кавычки – А.М.) могли приплыть в Пантикапей (Нимфей, Феодосию, Фанагорию и т.п.) и оттуда «перенаправиться» (или быть перенаправленными) в/на... Но можно ли считать это собственно «вторичной» колонизацией? Впрочем, ... мы же не знаем всех обстоятельств того. Да и время это на Боспоре было тревожное...

Действительно, как сейчас принято, и не без оснований, считать: где-то около рубежа первой–второй четвертей V в. до н.э. многие (за исключением вроде бы Нимфея и, возможно, но не обязательно Феодосии и Гермонассы) боспорские города и городки по обе стороны пролива если и не лежали в развалинах, то, по крайней мере, пострадали в каких-то катаклизмах⁸⁵. Предположения, дискуссии и исторические реконструкции на эту тему тоже в настоящее время общеизвестны⁸⁶, и мы не будем останавливаться на всем этом подробно. Так что, в начале

⁸³ Кошеленко, Кузнецов 1992, 24.

⁸⁴ Кузнецов 2010, 313–321.

⁸⁵ См. последнюю по времени общую подборку соответствующих археологических фактов и наблюдений: Завойкин 2013, 71–85, 102–103, 111, 116, 160, 165, 197, 209, 214, 219, 222. А также относительно Фанагории и Пантикапея: Завойкин, Толстиков 2017, 49, 52; Толстиков и др. 2017, 35–37; Завойкин, Сапрыкин 2018, 60; Кузнецов 2018, 160–185; 2021, 125–126; 2022, 141–161.

⁸⁶ Наиболее развернутую их характеристику см.: Кузнецов 2022.

второй четверти все того же века, такое мероприятие, как «внутренняя колонизация» было для Боспора как бы совсем ни вовремя. Можно, конечно, допустить, что уцелевшее или просто пострадавшее население, вернее его часть, по каким-то причинам предпочла уйти на новые места обитания..., но только допустить. Вот пока «как-то так».

Указанный катастрофический исторический период и «по идее», и в археологических реалиях был относительно непродолжительным. По крайней мере, исходя из материалов раскопок будущей боспорской столицы и крупнейшего города – полиса Пантикапея, где археологические признаки упомянутого кризиса наиболее изучены и, не исключено, изначально самые очевидные, можно предположить, что он имел место около 490–480 или 495–480 гг. до н.э.⁸⁷ В.Д. Кузнецов же прямо пишет о 480 г. до н.э., приурочивая разрушения в Фанагории к греко-персидской войне⁸⁸, что, естественно, делает это «столкновение цивилизаций» еще более масштабным и в тоже время достаточно кратковременным. Попутно, все исследователи обращают внимание на совпадение данного события со временем прихода к власти на Боспоре (или его части) неких Археанактидов (историография на сей счет в последнее время заметно пополнилась, но непосредственного отношения к нашей теме она вроде бы как не имеет).

Получается, что в таком случае потенциальные переселенцы из Ионии вообще попали на Боспоре, «как кур во щи». Что, повторим, в принципе естественно, если предположить, что подавление ионийского восстания, греко-персидские войны и «скифский (персидский?) погром» на Боспоре – «звенья одной цепи». Мы вряд ли, когда узнаем: что в каждом случае – памятнике чему предшествовало, что чем вызвано и как реально «имело место быть». Равно как и: греки ли пытались и здесь освободиться от скифо-персидского(?) «контроля» или только противились его установлению? И какую во всем этом роль (ставленники Ахеменидов, скифов или, напротив, «борцы за свободу») играли все те же Археанактиды. В любом случае, думается, вариант с очередной «волной» колонизации из Ионии наиболее правдоподобен. Она с разницей всего в несколько (чуть более десяти) лет предшествовала местным, боспорским «неурядицам». Как знать, не эти ли первопоселенцы буквально и принесли с собой ту керамику поздне-восточно-греческого типа («отчий сервиз»), которую мы выделяем, как самую раннюю, на части вышерассмотренных памятников, осторожно и почти всегда безуспешно, пытаясь связать с ней некий стратиграфический слой или период.

Вот теперь, кажется, можно и поставить точку. Отметив, кстати, что следов «скифо-персидского» погрома на них (Зенонов Херсонес, Акра, Китей, Киммерик и...?) не обнаружено. Все эти объекты либо тогда еще не появились (см. выше), либо об их существовании «варвары» (персы, скифы?) и узнать-то не успели, либо были столь непритязательны, что и «поймать» там им было нечего.

Ближе к ЗаклЮчению, естественно, не претендуя на обсуждение ее признанными специалистами, не откажем себе в некой хронологической «схеме» колони-

⁸⁷ Из довольно многочисленных соответствующих публикаций В.П. Толстикова на данную тему, а с него, собственно, все «это и пошло», сошлемся лишь на относительно недавние: Завойкин, Толстиков 2017, 49; Толстиков и др. 2017, 35–37, 42.

⁸⁸ Кузнецов 2022, 127, 158.

зационного процесса на/в архаическом и раннеклассическом Боспоре.⁸⁹ Предварим это некоторыми уточнениями и напоминаниями.

Итак, самый ранний пункт – эмпорий и/или апойкия будущего Пантикапея была, как теперь⁹⁰ считается, основана Милетом в последней четверти VII в. до н.э. (615–610 гг. до н.э. или 620–590 гг.)⁹¹ (т.е. почти синхронно известному Таганрогскому «поселению», некоему эмпорию(?) близ Анапы⁹² и соответствующим находкам на таких объектах в глубине варварской Ойкумены, как Бельское (Гелон?) и Немировское городища, а также поселении «Тарасова Балка» в предгорьях Северо-Западного Кавказа⁹³. Известны такого же рода эпизодические артефакты и в курганах. Но об этом – особый «разговор»). Около середины VI в. до н.э., а затем более полувека спустя здесь фиксируются разрушения вследствие неких военных действий (нападения кочевников?)⁹⁴.

Мирмекий. Возникновение: рубеж первой/второй, начало второй, вторая четверть VI в. до н.э. Изначально это вообще была рыболовная (сезонная?) «станция» с парой десятков жителей, сожженная около середины того же века⁹⁵ или, по Ю.А. Виноградову, один из «аграрных городков» – выселок. В полисном (да и апойкийном?) статусе этому первопоселению решительно отказано. Рыбу же якобы вывозили куда-то в метрополию⁹⁶...

Тиритака, как апойкия, появилась примерно тогда же: не ранее 565–560 гг. до н.э.⁹⁷ Ближе к концу VI и на рубеже первой–второй четвертей следующего века и здесь засвидетельствованы пожары и разрушения, сопровождавшиеся военными действиями⁹⁸. Никаких свидетельств о том, чьи в обоих случаях это были «выселки» у нас нет. Но предпочтительно это был Милет. Представляется все же, что тогдашний демографический потенциал грядущей столицы Боспора был для этого совершенно недостаточным.

Соответствующая информация относительно основания Нимфея (580–560 гг. до н.э.) как апойкии остается прежней⁹⁹. Однако она нуждается в более развернутом обосновании с учетом всего, в том числе новейшего, массового материала.

Археологические данные и точки зрения о времени появления прочих апойкий – будущих городов и городков рассматриваемого региона (Феодосия, Кепы, Фанагория, Патрей, Синдская гавань/Горгиппия(?), Корокондама(?), Торик, Баты, Семибратнее городище/Лабрит, Тирамба(?)) за последнюю четверть века также не изменились и приведены, как уже неоднократно отмечалось, в монографии А.А. Завойкина. Ахиллион, Киммерий, Казека, Стратоклея, Дия(?), Зифирий, Аборака и многие другие, в том числе упомянутые у Птолемея, вообще пока не найдены, исчезли или же надежно не локализованы.

⁸⁹ Ср. предшествующий аргументированный соответствующий анализ и обобщения: Кузнецов 1991, 31–37; Кошеленко, Кузнецов 1992, 19–20; Завойкин 2013, 382–386.

⁹⁰ Да нет, – вслед за В.Д. Блаватским (1964, 13–15, 23).

⁹¹ Толстиков и др. 2017, 42; Толстиков, Тугушева и др. 2017, 25.

⁹² Алексеевское поселение – Салов 1986, 188–194; Новичихин 2017, 70–72.

⁹³ Рябкова 2022, 242–245.

⁹⁴ Толстиков и др. 2017, 42.

⁹⁵ Бутягин 2014, 17; 2017, 97.

⁹⁶ Бутягин 2017, 96.

⁹⁷ Zin'ko 2014, 51, 61; Зинько 2017, 115.

⁹⁸ Зинько 2017, 114–115.

⁹⁹ О.Ю. Соколова (2017, 119), со ссылкой на работу В.Д. Кузнецова 1991 г.

Археологическая характеристика больших, многослойных и хорошо исследованных поселений-городищ Восточного Крыма: у сел Ивановка (Илурад?), Белинское (Пароста?), Семеновское (Гераклий?), Ново-Николаевка (Савроматий), Тасуново(?), а также в урочищах Артезиан, Сююрташ, в восточной части мыса Казантип, а, может быть, и городищ позднеэллинистического времени и/или первых веков н.э. к западу от Феодосии (Кара-Тау, Ак-Кая и н. др.) позволяет считать их далеко не рядовыми сельскими населенными пунктами. Но какими по «статусу» – не ясно. Очевидно лишь, что все они – «внутренняя колонизация», точнее – особая «форма» греко-боспор-варварского «симбиоза». Но это уже совсем другая эпоха и тема.

В итоге, некую схему хронологической «последовательности» рассматриваемого процесса можно представить сейчас так:

Пантикапей, а также упомянутые выше самые ранние эмпории региона. Первый этап.

Нимфей – рубеж первой/второй четвертей VI в. до н.э.

Затем: Кепы – вторая четверть VI в. до н.э.¹⁰⁰, Гермонасса – то же время¹⁰¹, Феодосия, по Э.Б. Петровой, со ссылкой на В.Д. Кузнецова, основана Милетом не позднее 570–560 гг. до н.э. в связи с разгромом городов Ионии персами в 546 г. до н.э.(?)¹⁰². Раскопки не ведутся давно, и новые интересующие нас находки, как будто бы отсутствуют. Но из акватории моря близ города происходит амфора Теоса конца VII – начала VI вв. до н.э.(!)¹⁰³. Так, что... не «поставить» ли Феодосию рядом с Пантикапеем? Или хотя бы Нимфеем? Согласно Н.А. Онайко, время основания Торики (Геленджикская бухта) – первая половина VI в. до н.э.¹⁰⁴. Скорее всего, судя по опубликованному материалу, не ранее его второй четверти. Все это, с некоторыми оговорками, так сказать, в целом, можно посчитать вторым этапом.

Мирмекий, Тиритака, Патрей¹⁰⁵ – вторая четверть/середина VI в. до н.э. Сложно сказать, надо ли выделять их в следующий этап или они как бы «сверху» примыкают к предыдущему?

Порфмий, Парфений – третья четверть VI в. до н.э. Фанагория – однозначно около 540 г. до н.э. «Предгоргиппия» – некий населенный пункт на месте совр. Анапы, существовавший «со второй половины, ближе к его последней четверти» или с третьей четверти VI в. до н.э. (рубеж V–IV вв. – появление собственно Горгиппии)¹⁰⁶. Это уже – третий этап.

Тирамба(?) (Пересыпь) и многие другие(?) – рубеж VI–V вв. до н.э. Возможно, – «выселки» Фанагории¹⁰⁷, что представляется все же маловероятным. Четвертый этап.

Далее – в хронологической последовательности в пределах V в. до н.э. (см. выше): Зенонов Херсонес, Китей, Киммерик(?), Акра. Последняя «волна».

¹⁰⁰ Кузнецов 1992, 32.

¹⁰¹ Коровина 1992, 7 сл.

¹⁰² Петрова 2000, 33, 46–47.

¹⁰³ Монахов и др. 2020, 125.

¹⁰⁴ Онайко 1980, 116.

¹⁰⁵ Завойкин 2013, 206.

¹⁰⁶ Алексеева 1997, 18; Завойкин 2013, 177–178.

¹⁰⁷ Коровина 1968, 63,

Каждому такому этапу-«волне» можно найти событийную «первопричину» в метрополии/ях¹⁰⁸. Для «внутренней» же колонизации, по нашему мнению, убедительных доводов (и поводов) пока нет. Как ни вспомнить в связи со всем этим следующее суждение более чем полувековой давности: «Возникшие преимущественно во второй и третьей четверти VI в. до н.э. старые боспорские города вряд ли были в состоянии посылать переселенцев ранее V в. до н.э.»¹⁰⁹.

Все, только что сказанное, можно было бы посчитать «Заключением» или «Выводами», но, думается, все же «попутно» «нельзя пройти мимо» известного феномена, касающегося сельской территории будущего боспорского государства¹¹⁰. Феномен этот неоднократно упоминался и обсуждался на протяжении двух-трех последних десятилетий, в целом ряде публикаций и нескольких диссертациях¹¹¹. Суть его в следующем. Вполне логичным было бы ожидать, что относительно небольшой, а то и вовсе незначительный и, наверняка, нестабильный (что явствует из современной археологической характеристики традиционно-признанных, «летописных» боспорских апоек/городков VI и даже V вв. до н.э., да еще с учетом (см. выше), по меньшей мере, двух периодов «всеобщего катаклизма») демографический «потенциал» позволял освоить в качестве хоры лишь их ближайшие окрестности. А это вообще не требовало основательных и долговременных сельских поселений/усадеб. Были, правда, согласно традиции, еще общинные и сакрально-храмовые угодья, а также разного рода «неудобья» (дороги, некрополи, выпасы, карьеры, скалы, солончаки, болота, леса и т.п.), но судить об их площади, способе использовании и «обустройства» (например: сезонные коллективные поселения со своей соответствующей спецификой?) еще труднее, а то и вовсе проблематично. К тому же, (и в данной связи) еще раз отметим, что местонахождение археологических артефактов и собственно поселенческая структура – далеко не всегда – одно и то же. Однако если в отношении восточной части Керченского п-ова такая схема вроде бы, как и «работает» (по крайней мере, судя по ближней хоре Нимфея, и, отчасти, Акры – раскопки В.Н. Зинько и С.Л. Соловьева), то к востоку от пролива – нет. Там, как известно, гораздо более многочисленны сельские поселения появляются на довольно обширных пространствах уже в архаическое время. Согласно сводке и анализу данных (а они за последнее время для обеих рассматриваемых территорий изменились не слишком существенно) А.А. Завойкина¹¹² в «Европе» это почти повсеместно, последняя четверть VI – первая четверть V в. до н.э. и/или несколько позднее.¹¹³ Но на Таманском п-ове таковые возникают в массе своей как бы несколько раньше и их, еще раз подчеркнем, много больше и далеко не только близ побережья.¹¹⁴ О вероятных причинах

¹⁰⁸ См. подробнее: Кошеленко, Кузнецов 1992, 6–24.

¹⁰⁹ Блаватский 1954, 20.

¹¹⁰ Мы, вслед за А.А. Завойкиным, полагаем, что о некоем государственном единстве в рассматриваемом регионе можно говорить только со второй четверти IV в. до н.э.

¹¹¹ Упомянем лишь авторов наиболее известных и значимых из них: В.Д. Кузнецов, Я.М. Паромов, А.П. Абрамов, А.А. Завойкин, Ю.А. Виноградов, Г.П. Гарбузов, А.М. Новичихин, Н.И. Сударев, Д.В. Журавлев, А.В. Батасова, Г.А. Ломтадзе.

¹¹² Завойкин 2013, 226–234, 469–483.

¹¹³ Судя по тому, что мы «видели» выше, относительно ранних дат надо быть предельно осторожными.

¹¹⁴ Завойкин 2013, 235–240.

такого различия в освоении сельской территории двух частей будущего государства писалось уже многими и неоднократно (см. перечень выше), и ничего принципиально нового на сегодняшний день добавить к этому вроде бы нечего. Разве что остановимся подробнее на хронологии самых (и пока единственных в этом отношении) исследованных из так называемых (подчеркнем это «сомнение») сельских поселений Таманского п-ова: Голубицком 2 и Ахтанизовском 4, ибо это по-своему примечательно.

Первое – появилось уже в начале второй четверти VI в. до н.э. и вскоре было укреплено валом и рвом¹¹⁵. Основание для такой датировки: расписная столовая посуда, в том числе и немного более ранняя, нежели указанная дата, а также амфорная тара, но, напротив, – лишь со второй четверти этого века. Обратим также внимание, что автор соответствующих раскопок и публикаций называет «свой» памятник апойкией¹¹⁶.

Часть амфорной тары со второго поселения как бы даже еще более «древняя»: конец VII – середина следующего века (Хиос, Клазомены, Самос). Причем это «собрание» во многом аналогично ранне-пантикапейскому¹¹⁷. Однако речь идет по большей части о профильных фрагментах, датировать которые уже пока не получается. Ранняя столовая расписная посуда также относится к периоду не позднее середины VI в. до н.э.¹¹⁸ Само же поселение руководитель раскопок тоже предлагает считать апойкией, не ставшей полисом, допуская даже некое единство «гражданства» его обитателей с только что вышеупомянутым поселением по другую сторону древнего пролива (протоки)¹¹⁹.

Согласитесь, трудно «согласиться», что перед нами обычные сельские поселения хоры... И чьей же? Ведь они, «как минимум» не моложе большинства вышеперечисленных местных ранних апойкий – будущих городов и городков. Да и расположение их (напротив друг друга, по берегам древнего русла(?) Кубани), видимо, имело свои выгоды. Значит... Значит, это тоже (наряду с Зеноновым Херсонесом, и, возможно, еще некоторыми объектами) вполне могли быть неведомые нам по названию апойкии, так и не ставшие впоследствии городами¹²⁰. Но и о таком «варианте» было упомянуто в цитируемой статье¹²¹: «По ходу дела», вспомнился мне детский стишок: «Тапир навек повесил нос / грустит он об одном: / он собирався стать слоном, / да так и не дорос...».

Можно, правда, предположить, что это были сезонные, коллективные «усадыбы» на общинных, окраинных (пограничных) землях уже «состоявшихся» полисов... Но доказать это совершенно не представляется возможным.

Таким образом, ни о какой внутренней колонизации тут и речи быть не могло. Как, впрочем, и в силу указанных ранее причин в отношении подавляющего большинства вышеупомянутых «летописных» населенных пунктов («малых городов»), хотя бы и несколько более поздних. Единственное исключение: некая

¹¹⁵ Журавлев, Щотцауэр 2014, 174–176; Журавлев и др. 2022, 40.

¹¹⁶ Журавлев и др. 2014, 174.

¹¹⁷ Ломтадзе 2022, 284–285.

¹¹⁸ Ломтадзе 2013, 221–223.

¹¹⁹ Ломтадзе 2013, 223, 227.

¹²⁰ Они, строго говоря, не на побережье и в периплы – наш основной вид письменных источников, просто не попадали.

¹²¹ Кошеленко, Кузнецов 1992, 9–10.

Синдская гавань (Ps. Scymn. *Per.* 896–899)¹²². Итак: «...и гавань Синдская, населенная эллинами, пришедшими из ближайших местностей»¹²³. Псевдо-Скимн – автор достаточно поздний (начало I в. до н.э.), но это не суть важно. Споры о том: Горгиппия ли это (существовавшая, как город, со второй четверти IV в. до н.э.), велись давно, обросли обширной литературой и как будто бы завершились в пользу их отождествления¹²⁴. Однако вопросы все-таки остаются. В только что процитированном отрывке текста Псевдо-Скимна Синдская гавань упомянута наряду с другими городами *на острове*¹²⁵. Между тем, как район современной Анапы никак нельзя посчитать островом даже в древности. Но есть в нем и другие загадки. Так, если допустить, что он – текст отражает некие реалии до вышеприведенной даты, неважно, какой бы локации они не касались, неясно: что это были за эллины, а главное, – места (поселения-комы, усадьбы, апойкии) их первоначального обитания в «ближайших местностях». Выявленные и раскопанные в ближних и дальних окрестностях Анапы, в том числе и совсем недавно, усадебные комплексы (близ Воскресенского, Джемете, Виноградное и не только) рисуют довольно яркую картину классической античной городской хоры¹²⁶. Но все они относятся уже ко времени «первого расцвета Боспора» (условно: около второй четверти IV – первой трети III вв. до н.э.) и, отчасти, несколько более позднему. И, следовательно, их обитатели никак не могут отождествляться с основателями Горгиппии и тем более – Синдской гавани. Вот пока, как-то так.

Выводы. Поселение на мысе Зюк (Зенонов Херсонес) следует считать «застывшей» апойкией в статусе полиса. Максимальная близость к абсолютной начальной хронологии известных нам по письменным источникам городов и городков Боспора (как, впрочем, и других поселенческих структур) может быть достигнута на основании комплексного анализа таких категорий массового материала, как амфорная тара и столовая посуда, но с приоритетом первой. Причем это относится как к закрытым комплексам, так и к слою вообще. Исходя из этого, и с учетом новейших находок и современных датировок время основания вышеупомянутых памятников пока не удастся сузить менее чем до четверти века, но можно несколько скорректировать в пределах рассматриваемой эпохи (конец VII – V вв. до н.э.). В итоге, они как бы группируются соответственно нескольким «волнам» внешней колонизации, обусловленным теми или иными конкретными историческими событиями в метрополиях. Известный же пассаж Псевдо-Скимна относительно Синдской гавани, по-прежнему, неоднозначен в своей трактовке. Внутренняя же колонизация в этот исторический период вряд ли имела место¹²⁷. Это «явление» дало знать о себе позже, уже в условиях единого государства, как следствие военно-административной и демографической деятельности (реформ) центральной власти. Появляется все больше археологических примеров того, что становление

¹²² Иных эпох местной истории и археологии, повторим, мы касаться в данной связи не будем. Но этот «пассаж», малость, «развернем».

¹²³ SC I, 90.

¹²⁴ Завойкин 2013, 198–199; Новичихин 2017, 72–76.

¹²⁵ Если это только не ошибка автора, переписчика и т.п.

¹²⁶ Алексеева 1997, 45–46; Иванов 2020, 176–185; Паль и др. 2020, 307–319.

¹²⁷ Гипотеза о таковой, как следствие конфликта разных групп или «волн» переселенцев, конечно, имеет право на существование, но обосновать ее археологически проблематично, а главное: «первичное» и «вторичное» тогда как бы меняются местами. Что ни есть «хорошо».

боспорского города, как высшего в конкретных исторических условиях типа поселенческой структуры, какой бы местной спецификой она не отличалась и не различалась, не было, так сказать, прямолинейным процессом. А именно: некоторые, а, может быть, даже многие (Азиатская часть Боспора) из первопоселений в силу разных причин так и не вышли за стадию апойкий, сохраняя, тем не менее, форму общественной организации, привычную для их основателей и большей части населения. Конкретные исторические судьбы таковых, а равно: их место в организационной и социально-экономической структуре формирующегося государства складывались по-разному. В целом, они не были столь же долговечными, как «состоявшиеся» боспорские города. Хотя некоторым из них «повезло» пусть на какое-то время стать маленькими (малыми) городками.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1991: *Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа*. М.
- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгииппия*. М.
- Блаватская, Т.В., Розов, В.Н. 1985: Граффито Зенонитов. В сб.: Т.В. Блаватская (ред.), *Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник*. М., 115–137.
- Блаватский, В.Д. 1954: Архаический Боспор. В сб.: М.М. Кобылина (ред.), *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху*. II (МИА 33). М., 7–44.
- Блаватский, В.Д. 1964: *Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора*. М.
- Бутягин, А.М. 2014: Городище Мирмекий. 80 лет исследований. *Таврические студии* 6. Симферополь, 15–23.
- Бутягин, А.М. 2017: Основание Мирмекия и проблемы колонизации Европейского Боспора. В сб.: *Перипл: от Борисфена до Боспора* (ТГЭ 88). СПб., 87–96.
- Вахтина, М.Ю. 2009: Порфмий – греческий город у переправы через Киммерийский Боспор. *БИ* XXII, 91–126.
- Винокуров, Н.И. 2007: *Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья* (БИ. Suppl. 3).
- Внуков, С.Ю. 2015: Продолжительность использования античных винных амфор. *КСИА* 238, 161–169.
- Дановский, А.А. 2005: Каменные топоры из раскопок на мысе Зюк. *ДБ* 8, 159–170.
- Дирин, А.А. 1896: Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки. *ЗООИД* XIX, 121–131.
- Доватур, А.И., Каллистов, А.П., Шишова, И.А. 1982: *Народы нашей страны в «Истории» Геродота*. М.
- Журавлев, Д.В., Батасова, А.В., Шлотцауер, У. 2022: О системе обороны поселения Голубицкая 2. *АВ* 35, 28–43.
- Журавлев, Д.В., Шлотцауер, У. 2014: Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове. 2006–2013 гг. В сб.: *Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников* (Тр. ГИМ 201). М., 150–186.
- Завойкин, А.А. 2009: О «больших» и «малых» боспорских городах. *ДБ* 13, 176–205.
- Завойкин, А.А. 2013: *Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов* (БИ. Suppl. 10).
- Завойкин, А.А. 2022: Китей: размышления о «малом боспорском городе». *ДБ* 27, 101–113.

- Завойкин, А.А., Сапрыкин, С.Ю. 2018: Восточный Крым в античную эпоху. Боспорское царство в VI в. до –III в. н.э. В сб.: А.В. Юрасов (ред.), *История Крыма*. Т. 1. М., 51–84.
- Завойкин, А.А., Толстиков, В.П. 2017: Очерки политической истории Пантикапея и Фанагории. В сб.: В.Д. Кузнецов, В.П. Толстиков (ред.), *Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства: каталог выставки*. М., 47–68.
- Завойкина, Н.В. 2013: *Боспорские фиасы: между полисом и монархией*. М.
- Зеест, И.Б. 1960: *Керамическая тара Боспора* (МИА 83). М.
- Зеленко, С.М. 2008: *Подводная археология Крыма*. Киев.
- Зинько, В.Н. 2017: Из истории архаической Тиритаки. В сб.: *Перипл: от Борисфена до Боспора* (ТГЭ 88). СПб., 106–116.
- Зинько, В.Н., Шамрай, А.Н. 2009: Подводные археологические наблюдения и разведки у горы Опук. *БИ XXI*, 449–458.
- Иванов, А.А. 2020: Раскопки усадеб эллинистического времени на поселении «Усадьба» (хутор Воскресенский. ЮЗ окраина) в 2019 г. Предварительные результаты. *ДБ 25*, 176–185.
- Кастанаян, Е.Г. 1958: Археологические разведки на городище Парфений в 1949 г. В сб.: В.Ф. Гайдукевич, Т.Н. Книпович (ред.), *Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг.* (МИА 69). М.–Л., 254–265.
- Кошеленко, Г.А. 1979: *Греческий полис на эллинистическом востоке*. М.
- Кошеленко, Г.А. 1980: Полис и город: к постановке проблемы. *ВДИ* 1, 3–27.
- Кошеленко, Г.А. 1983: Греческий полис и проблемы развития экономики. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция: проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса*. М., 217–246.
- Кошеленко, Г.А., Кузнецов, В.Д. 1992: Греческая колонизация Боспора. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 6–28.
- Кругликова, И.Т. 1966: *Боспор в позднеантичное время*. М.
- Кругликова, И.Т. 1975: *Сельское хозяйство Боспора*. М.
- Кузнецов, В.Д. 1918: Боспор Киммерийский в V в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории). В сб.: В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории 3* (Фанагория 6). М., 160–185.
- Кузнецов, В.Д. 1991: Ранние апойкии Северного Причерноморья. *КСИА* 204, 31–36.
- Кузнецов, В.Д. 1992: Раскопки в Кечах 1984–1989 гг. В кн.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки археологии и истории Боспора*. М., 28–45.
- Кузнецов, В.Д. 2010: О времени основания Фанагории. *ДБ 14*, 313–321.
- Кузнецов, В.Д. 2021: Архаические стены Фанагории. В сб.: *Нурапис 3*, 111–130.
- Кузнецов, В.Д. 2022: Ксеркс и Понт (персидская надпись из Фанагории). В сб.: *Нурапис 4*, 141–161.
- Ломтадзе Г.А. 2022: Транспортные амфоры и их фрагменты из раскопок поселения «Ахтанизовская 4». В сб.: А.П. Медведев (ред.), *«От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сборник научных трудов в честь 70-летия С.Ю. Монова*. Саратов, 283–301.
- Ломтадзе, Г.А. 2013: Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4. *ДБ 17*, 216–231.
- Масленников, А.А. 1992: Зенонов Херсонес – городок на Меотиде. В сб.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Очерки истории и археологии Боспора*. М., 120–173.
- Масленников, А.А. 2020: Меотийские города Клавдия Птолемея. В сб.: А.В. Белоусов, Е.В. Илющечкина (ред.), *Ното отпнium horarum: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 354–369.
- Молев, Е.А. 2010: *Боспорский город Китей*. Ч. I (БИ. Suppl. 6).
- Молев, Е.А. 2022: *Боспорский город Китей*. Ч. III. Нижний Новгород.

- Молев, Е.А., Молев, Н.В. 2016: *Боспорский город Китей*. Ч. II (БИ. Suppl. 5).
- Молев, Е.А., Шестаков, С.А. 1991: Некрополь Китея. По материалам раскопок 1972–1985 гг. В сб.: Е.А. Молев (ред.), *Вопросы археологии и истории Боспора*. Воронеж–Белгород, 74–101.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керам. таре: Каталог-определитель*. М.–Саратов.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Толстиков, В.П., Чурекова, Н.Б. 2020: *Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. Саратов.
- Монахов, С.Ю., Кузнецова, Е.В., Федосеев, Н.Ф., Чурекова, Н.Б. 2016: *Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника*. Керчь–Саратов.
- Мордвинцева, В.И. 2014: Оборонительная стена городища на восточном склоне горы Опук. Новые данные. *ДБ* 18, 557–271.
- Новичихин, А.М. 2017: Греческая колонизация Синдики. *МАИАСК* 9, 67–96.
- Овсяченко, А.Н., Корженков, А.М., Масленников, А.А., Вакарчук, Р.Н., Ларьков, А.С., Сысолин, А.И. 2019: Следы и хронология сильных исторических землетрясений на мысе Зюк в Восточном Крыму. *Физика Земли* 4, 133–152.
- Онайко, Н.А. 1980: *Архаический Торик. Античный город на Северо-Востоке Понта*. М.
- Паль, Е.А., Соколов, П.М., Петров, П.А., Безматерных, А.Е. 2020: Раскопки античного поселения Усадьба (х. Воскресенский, ЮЗ окраина) в Анапе (предварительное сообщение). *ДБ* 25, 307–319.
- Петракова, А.Е., Ханутина, З.В., Хршановский, В.А. 2015: Фрагменты аттического черно-фигурного кратера VI в. до н.э. из некрополя Китея. В сб.: *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности К 70-летию В.П. Толстикова*. М., 99–104.
- Петрова, Э.Б. 2000: *Античная Феодосия*. Харьков.
- Рябкова, Т.В. Продолжение исследований поселения раннескифского периода Тарасова балка в Предгорьях Северо-Западного Кавказа в 2018–2019 гг. В сб.: *АО за 2019 г.* М., 242–245.
- Салов, А.И. 1986: Архаическое поселение на окраине Анапы. В сб.: Г.А. Кошеленко (ред.), *Проблемы античной культуры*. М., 188–194.
- Сапрыкин, С.Ю. 2011: Заметки по боспорской эпиграфике. *ДБ* 15, 264–274.
- Сапрыкин, С.Ю. 2022: Фиас Зенонова Херсонеса. *ДБ* 27, 259–281.
- Сапрыкин, С.Ю., Масленников, А.А. 1999. Греческие надписи с мыса Зюк. *ДБ* 2, 193–202.
- Сапрыкин, С.Ю., Масленников, А.А. 2007: *Граффити и дипинти хоры античного Боспора* (БИ. Suppl. 1).
- Соколова, О.Ю. 2017: 75 лет Нимфейской экспедиции. В сб.: *Перипл: от Борисфена до Боспора* (ТГЭ 88). СПб., 119–128.
- Соловьев, С.Л., Вахонеев, В.В., Шепко, Л.Г. 2021: *Акра – античный город на Европейском Боспоре*. СПб.
- Столяренко, П.Г. 2012: О раннем этапе урбанизации античного Парфения. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Проблемы урбанизации* (XIII Боспорские чтения). Симферополь–Керчь, 404–408.
- Столяренко, П.Г. 2013: Новые данные об архаической оборонительной стене Парфения. В сб.: *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции*. СПб., 52–56.
- Столяренко, П.Г., Кропотов, В.В. 2016: Комплекс позднеэллинистического времени из города Парфений. В сб.: *Таврические студии* 10. Симферополь, 160–166.
- Суриков, И.Е. 2022: По поводу некоторых древнейших свидетельств о боспорском городе Фанагория. В сб.: *Боспорский феномен. Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е.А. Молева (1947–2021)*. СПб., 159–164.

- Толстиков, В.П., Асташова, Т.С., Ломтадзе, Г.А., Самар, О.Ю., Тугушева, О.В. 2017: *Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу*. М.
- Толстиков, В.П., Тугушева, О.В., Асташова, Н.С. 2017: О времени основания Пантикапея. В сб.: *Таврические студии* 12. Симферополь, 12–26.
- Хршановский, В.А. 2004: Новые погребальные комплексы V–IV вв. до н.э. на некрополе Китея. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Этнические процессы* (V Боспорские чтения). Керчь, 384–388.
- Хршановский, В.А. 2020: Курганная группа на кряже Чатр-Тав (по материалам разведок 2015 и 2018 гг.). *АВ* 29, 43–49.
- Koshelenko, G.A., Kuznetsov, V.D. 1998: Greek Colonization of the Bosphorus. В сб.: G. Tsatskheladze (ed.), *The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation and Archaeology*. Stuttgart.
- Kulikov, A.V. 2007: Akra and its Chora. В сб.: D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos (eds), *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2*. Vol. II (BAR IS 1975/II) Oxford.
- Zin'ko, V. 2014: Tyritake in Archaic time. В сб.: A. Twardecki (ed.), Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. Proceedings of the international conference, Warsaw, 27–28 November 2013. Warsaw, 47–61.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1991: *Grecheskaya kolonizatsiya Severo-Zapadnogo Kavkaza* [Greek Colonization of the Northwestern Caucasus]. Moscow.
- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya* [Gorgippia, an Ancient City]. Moscow.
- Blavatskaya, T.V., Rozov, V.N. 1985: Graffito Zenonitov [A graffito of Zenonites]. In: T.V. Blavatskaya (ed.), *Epigraficheskie pamyatniki drevney Maloy Azii i antichnogo Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ya kak istoricheskiy i lingvisticheskiy istochnik* [Epigraphic Monuments of Ancient Asia Minor and the Ancient Northern and Western Black Sea Region as a Historical and Linguistic source]. Moscow, 115–137.
- Blavatskiy, V.D. 1954: Arkhaicheskiy Bospor [Archaic Bosphorus]. In: M.M. Kobylina (ed.), *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu* [Materials on the Archaeology of the Northern Black Sea region in Ancient Times]. II (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of USSR] 33). Moscow, 7–44.
- Blavatskiy, V.D. 1964: *Pantikapey. Ocherki istorii stolitsy Bospora* [Panticapaeum. Essays on the History of the Capital of the Bosphorus]. Moscow.
- Butyagin, A.M. 2014: Gorodishche Mirmekiy. 80 let issledovaniy [City-site of Myrmecium. 80 years of research]. *Tavricheskie studii* [Taurian Studies] 6. Simferopol, 15–23.
- Butyagin, A.M. 2017: Osnovanie Mirmekiya i problemy kolonizatsii Evropeyskogo Bospora [Foundation of Myrmecium and problems of colonization of the European Bosphorus]. In: *Peripl: ot Borisfena do Bospora* [Periplus: from the Boristhenes to Bosphorus] (Trydy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 88). Saint Petersburg, 87–96.
- Danovskiy, A.A. 2005: Kamennye topory iz raskopok na myse Zyuk [Stone axes from the Cape Zyuk]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 8, 159–170.
- Dirin, A.A. 1896: Mys Zyuk i sdelannye na nem arkheologicheskie nakhodki [Cape Zyuk and archaeological finds from there]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities] XIX, 121–129.
- Dovatur, A.I., Kallistov, A.P., Shishova, I.A. 1982: *Narody nashey strany v "Istorii" Gerodota* [The Peoples of Our Country in Herodotus' "History"]. Moscow.
- Ivanov, A.A. 2020: Raskopki usadeb ellinisticheskogo vremeni na poselenii "Usad'ba" (khutor Voskresenskiy YuZ okraina) v 2019 g. Predvaritel'nye rezul'taty [2019 Excavations at

- estates of the Hellenistic period at the settlement of "Usadba" (village of Voskresensky. Southwestern outskirts). Preliminary results]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 25, 176–185.
- Kastanayan, E.G. 1958: Arkheologicheskie razvedki na gorodishche Parfeniy v 1949 g. [Archaeological exploration of the city-site of Parthenion in 1949]. In: V.F. Gaydukevich, T.N. Knipovich (eds.), *Bosporskie goroda. II. Raboty Bosporskoy ekspeditsii 1946–1953 gg.* [*Bosporan Cities. II. Works of the Bosporan Mission in 1946–1953*] (Materialy i issledovaniya po Arkheologii SSSR [Materials and Research on the Archaeology of USSR] 69). Moscow–Leningrad, 254–265.
- Khrshanovskiy, V.A. 2004: Novye pogrebal'nye komplekсы V–IV vv. do n.e. na nekropole Kiteya [New burial complexes of the 5th – 4th centuries BC at the necropolis of Cytaeum. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Etnicheskie protsessy* [*The Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Ethnic Processes*] (V Bosporskie chteniya [Bosporan Studies]). Kerch, 384–388.
- Khrshanovskiy, V.A. 2020: Kurgannaya gruppa na kryazhe Chatr-Tav (po materialam razvedok 2015 i 2018 gg.) [Kurgan group on the Chatr-Tav Ridge (according to the explorations in 2015 and 2018)]. *Arkheologicheskie vesti* [*Archaeological News*] 29, 43–49.
- Koshelenko, G.A. 1979: *Grecheskiy polis na ellinisticheskoy vostokeye* [*Greek Polis in the Hellenistic Orient*]. Moscow.
- Koshelenko, G.A. 1980: Polis i gorod: k postanovke problem [Polis and city: to the formulation of the problem]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 3–27.
- Koshelenko, G.A. 1983: Grecheskiy polis i problemy razvitiya ekonomiki. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia: problemy razvitiya polisa* [*Ancient Greece and the Problem of Development of the Polis*]. Vol. 1. *Stanovlenie i razvitie polisa* [*Formation and development of the Polis*]. Moscow, 217–246.
- Koshelenko, G.A., Kuznetsov, V.D. 1992: *Grecheskaya kolonizatsiya Bospora* [Greek colonization of the Bosporus]. In: *Ocherki arkheologii i istorii Bospora* [*Essays on the Bosporan Archaeology and History*]. Moscow, 6–28.
- Koshelenko, G.A., Kuznetsov, V.D. 1998: Greek Colonization of the Bosporus. In: G. Tsetschladze (ed.), *The Greek Colonization of the Black Sea Area: Historical Interpretation and Archaeology*. Stuttgart.
- Kruglikova, I.T. 1966: *Bospor v pozdneantichnoye vremya* [*Bosporus during the Late-Antique Period*]. Moscow.
- Kruglikova, I.T. 1975: *Sel'skoe khozyaystvo Bospora* [*The Agriculture of Bosporus*]. Moscow.
- Kulikov, A.V. 2007: Akra and its Chora. In: D.V. Grammenos, E.K. Petropoulos (eds), *Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2*. Vol. II (BAR IS 1975/II) Oxford.
- Kuznetsov, V.D. 1918: Bospor Kimmeriyskiy v V v. do n.e. (drevnepersidskaya nadpis' iz Fanagorii) [The Cimmerian Bosporus in the fifth century BC (ancient Persian inscription from Phanagoria)]. In: V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin (eds.), *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii* [*Materials on the Archaeology and History of Phanagoria*] 3 (Fanagoriya [Phanagoria] 6). Moscow, 160–185.
- Kuznetsov, V.D. 1991: Rannie apoykii Severnogo Prichernomor'ya [Early *apoikiai* in the Northern Black Sea region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] 204, 31–36.
- Kuznetsov, V.D. 1992: Raskopki v Kepakh 1984–1989 gg. [Excavations in Cepoy in 1984–1989]. In: *Ocherki arkheologii i istorii Bospora* [*Essays on the Bosporan Archaeology and History*]. Moscow, 28–45.
- Kuznetsov, V.D. 2010: O vremeni osnovaniya Fanagorii [On the founding of Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 14, 313–321.

- Kuznetsov, V.D. 2021: Arkhaicheskie steny Fanagorii [Archaic walls of Phanagoria]. In: *Hypanis* 3, 111–130.
- Kuznetsov, V.D. 2022: Kserks i Pont (persidskaya nadpis' iz Fanagorii) [Xerxes and Pontus (Persian inscription from Phanagoria)]. In: *Hypanis* 4, 141–161.
- Lomtadze G.A. 2022: Transportnye amfory i ikh fragmenty iz raskopok poseleniya “Akhtanizovskaya 4” [Amphorae and their fragments from the excavations of the Akhtanizovskaya 4 Settlement. In: A.P. Medvedev (ed.), “*Ot Kavkaza do Dunaya*”: Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu. *Sbornik nauchnykh trudov v chest' 70-letiya S.Yu. Monakhova* [“From the Caucasus to the Danube”: The Northern Black Sea Region in Antiquity. *Studies Presented to S.Yu. Monakhov on the Occasion of His 70th Birthday*]. Saratov, 283–301.
- Lomtadze, G.A. 2013: Kompleks nakhodok arkhaicheskogo vremeni iz raskopok poseleniya Akhtanizovskaya 4 [Complex of finds of the Archaic time from the excavations at the ancient settlement of Akhtanizovskaya 4]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 17, 216–231.
- Maslennikov, A.A. 1992: Zenonov Khersones – gorodok na Meotide [Zenonis Chersonesus, a small city on the Maeotis]. In: *Ocherki arkheologii i istorii Bospora* [Essays on the Bosporan Archaeology and History]. Moscow, 120–173.
- Maslennikov, A.A. 2020: Meotyskie goroda Klavdiya Ptolemeya [Claudius Ptolemaeus' Maeotian cities]. In: A.V. Belousov, E.V. Ilyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum: Sbornik statey v chest' 70-letiya A.V. Podosiinova* [Homo omnium horarum: Studies Presented to f A.V. Podosiinov on the Occasion of His 70th Birthday]. Moscow, 354–369.
- Molev, E.A. 2010: *Bosporskiy gorod Kitey* [Cytaeum, a Bosporan City]. Pt. I (Bosporkie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 6).
- Molev, E.A. 2022: *Bosporskiy gorod Kitey* [Cytaeum, a Bosporan City]. Pt. III. Nizhniy Novgorod.
- Molev, E.A., Molev, N.V. 2016: *Bosporskiy gorod Kitey* [Cytaeum, a Bosporan City]. Pt. II (Bosporkie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 5).
- Molev, E.A., Shestakov, S.A. 1991: Nekropol' Kiteya. Po materialam raskopok 1972–1985 gg. [Necropolis of Cytaeum. Materials of 1972–1985 excavations]. In: E.A. Molev (ed.), *Voprosy arkheologii i istorii Bospora* [Issues of Bosporan Archaeology and History]. Voronezh–Belgorod, 74–101.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keram. tare: Katalog-opredelitel'* [Greek Amphorae in the Black Sea Region: Typology of Amphorae of the Leading Centers-Exporters of Products in Ceramic Containers: Catalogue]. Moscow–Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Fedoseev, N.F., Churekova, N.B. 2016: *Amfory VI–II vv. do n.e. iz sobraniya Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeya-zapovednika* [The Sixth–Second Centuries BC Amphorae in the Eastern-Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve]. Kerch–Saratov.
- Monakhov, S.Yu., Kuznetsova, E.V., Tolstikov, V.P., Churekova, N.B. 2020: *Amfory VI–I vv. do n.e. iz sobraniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina* [The Sixth–First Centuries BC Amphorae in the Pushkin State Museum of Fine Arts. Saratov.
- Mordvintseva, V.I. 2014: Oboronitel'naya stena gorodishcha na vostochnom sklone gory Opuk. Novye dannye [Defensive wall of the settlement located on the eastern slope of Mount Opuk. New data]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 18, 557–271.
- Novichikhin, A.M. 2017: Grecheskaya kolonizatsiya Sindiki [Greek colonization of Sindice]. *Materialy k arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on the Archaeology and History of Ancient and Medieval Crimea] 9, 67–96.
- Onayko, N.A. 1980: *Arkhaicheskii Torik. Antichnyy gorod na Severo-Vostoke Ponta* [Archaic Torikos. Ancient City in Northeastern Pontus]. Moscow.

- Ovsyuchenko, A.N., Korzhenkov, A.M. Maslennikov, A.A., Vakarchuk, R.N., Larkov, A.S., Sysoilin, A.I. 2019: Sledy i khronologiya sil'nykh istoricheskikh zemletryaseniy na myse Zyuk v Vostochnom Krymu [*Traces and chronology of strong historical earthquakes at Cape Zyuk in Eastern Crimea*]. *Fizika Zemli* [*Physics of the Earth*] 4, 133–152.
- Pal, E.A., Sokolov, P.M., Petrov, P.A., Bezmaternykh, A.E. 2020: Raskopki antichnogo poseleniya Usad'ba (kh. Voskresenskiy, YUZ okraina) v Anape (predvaritel'noe soobshchenie) [Excavations at the ancient settlement of Usadba (village of Voskresenskiy, SW outskirts) in Anapa (preliminary report)]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 25, 307–319.
- Petrakova, A.E., Khanutina, Z.V., Khrshanovskiy, V.A. 2015: Fragmenty atticheskogo chernofigur'nogo kratera VI v. do n.e. iz nekropolia Kiteya [Fragments of an Attic black-figure crater of the 6th century BC from the necropolis of Cytaeum]. In: *S Mitridata duet veter. Bospori Prichernomor'e v antichnosti K 70-letiyu V.P. Tolstikova* [*Wind Blows Down the Mount Mithridates. The Bosporus and the Black Sea in Antiquity. Studies Presented to V.P. Tolstikov on the Occasion of His 70th Birthday*]. Moscow, 99–104.
- Petrova, E.B. 2000: *Antichnaya Feodosiya* [*Ancient Theodosia*]. Kharkov.
- Ryabkova, T.V. Prodlolzhenie issledovaniy poseleniya ranneskifskogo perioda Tarasova balka v Predgor'yakh Severo-Zapadnogo Kavkaza v 2018–2019 gg. [*Continuation of research on the early Scythian settlement of Tarasova Balka in the foothills of the Northwestern Caucasus in 2018–2019*]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya za 2019 g.* [*Archaeological Discoveries 2019*]. Moscow, 242–245.
- Salov, A.I. 1986: Arkhaicheskoe poselenie na okraine Anapy [Archaic Settlement in the outskirts of Anapa]. In: G.A. Koshelenko (ed.), *Problemy antichnoy kul'tury* [*Problems of the Ancient Culture*]. Moscow, 188–194.
- Saprykin, S.Yu. 2011: Zametki po bosporskoy epigrafike [Notes on Bosporan epigraphy]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 15, 264–274.
- Saprykin, S.Yu. 2022: Fias Zenonova Khersonesa [Thiasus in Zenonis Chersonesus]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 27, 259–281.
- Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 1999. Grecheskie nadpisi s mysa Zyuk [Greek inscriptions from the Cape Zyuk]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 2, 193–202.
- Saprykin, S.Yu., Maslennikov, A.A. 2007: *Graffiti i dipinti khory antichnogo Bospora* [*Graffiti and Dipinti from the Chora of Ancient Bosporus*] (Bosporkie issledovaniya [Bosporus Studies]. Suppl. 1).
- Sokolova, O.Yu. 2017: 75 let Nimfeyskoy ekspeditsii [75th Anniversary of Nymphaeum Mission]. In: *Peripl: ot Borisfena do Bospora* [*Periplus: from the Boristhenes to Bosporus*] (Trydy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 88). Saint Petersburg, 119–128.
- Solovyev, S.L., Vakhoneev, V.V., Shepko, L.G. 2021: *Akra – antichnyy gorod na Evropeyskom Bospore* [*Akra, an Ancient City in European Bosporus*]. Saint Petersburg
- Stolyarenko, P.G. 2012: O rannem etape urbanizatsii antichnogo Parfeniya [On the early stage of urbanization of ancient Parthenion]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v epokhu antichnosti i srednevekov'ya. Problemy urbanizatsii* [*The Cimmerian Bosporus and Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages. Problems of Urbanization*] (XIII Bosporskie chteniya [Bosporan Readings]). Simferopol–Kerch, 404–408.
- Stolyarenko, P.G. 2013: Novye dannye ob arkhaicheskoy oboronitel'noy stene Parfeniya [Recent data on the Archaic defensive wall of Parthenion]. In: *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na evraziyskom perekrestke* [*Bosporan Phenomenon. The Greeks and Barbarians at the Eurasian crossroads. Materials of the International Scientific Conference*]. Saint Petersburg, 52–56.
- Stolyarenko, P.G., Kropotov, V.V. 2016: Kompleks pozднеellinisticheskogo vremeni iz goroda Parfeniy [Late Hellenistic complex from Parthenion]. In: *Tavricheskie studii* [*Taurian Studies*] 10. Simferopol', 160–166.

- Surikov, I.E., 2022: Po povodu nekotorykh drevneyshikh svidetel'stv o bosporskom gorode Fanagoriya [On some ancient evidence about the Bosporan city of Phanagoria]. In: *Bosporskiy fenomen. Bol'shie i malye goroda Bosporskogo tsarstva. Kruglyy stol, posvyashchenny 75-letiyu E.A. Moleva (1947–2021)* [Bosporan Phenomenon. Large and Small Cities of the Bosporan Kingdom. Round Table Dedicated to the 75th Anniversary of E.A. Molev (1947–2021)]. Saint Petersburg, 159–164.
- Tolstikov, V.P., Astashova, T.S., Lomtadze, G.A., Samar, O.Yu., Tugusheva, O.V. 2017: *Drevneyshiy Pantikapey. Ot apoykii – k gorodu* [Earlier Panticapaeum. From Apoikia to a City]. Moscow.
- Tolstikov, V.P., Tugusheva, O.V., Astashova, N.S. 2017: O vremeni osnovaniya Pantikapeya [On the date of founding of Panticapaeum]. In: *Tavricheskie studii* [Taurian Studies] 12. Simferopol', 12–26.
- Vakhtina, M.Yu. 2009: Porfmiy – grecheskiy gorod u perepravy cherez Kimmeriyskiy Bospor [Porthmion, a Greek city at the crossing of the Cimmerian Bosphorus]. *Bosporkie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXII, 91–126.
- Vinokurov, N.I. 2007: *Vinogradarstvo i vinodelie antichnykh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya* [Viticulture and Winemaking of the Ancient States of the Northern Black Sea Region] (Bosporkie issledovaniya [Bosporos Studies] 3).
- Vnukov, S.Yu. 2015: Prodolzhitel'nost' ispol'zovaniya antichnykh vinnykh amfor [Duration of use of ancient wine amphorae]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology] 238, 161–169.
- Zavoykin, A.A. 2009: O "bol'shikh" i "malykh" bosporskikh gorodakh [On "large" and "small" Bosporan cities]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 13, 176–205.
- Zavoykin, A.A. 2013: *Obrazovanie Bosporskogo gosudarstva. Arkheologiya i khronologiya stanovleniya derzhavy Spartokidov* [Formation of the Bosporus State. Archaeology and Chronology of the Formation of the Power of the Spartocids] (Bosporkie issledovaniya [Bosporos Studies]. Suppl. 10).
- Zavoykin, A.A. 2022: Kitey: razmyshleniya o "malom bosporskom gorode" [Cytaeum: reflection on the "small Bosporan town"]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 27, 101–113.
- Zavoykin, A.A., Saprykin, S.Yu. 2018: Vostochnyy Krym v antichnuyu epokhu. Bosporskoe tsarstvo v VI v. do –III v. n.e. [Eastern Crimea in Antiquity. Bosporan kingdom in the 6th century BC to the 3rd century AD]. In: A.V. Yurasov (ed.), *Istoriya Kryma* [History of Crimea]. Vol. 1. Moscow, 51–84.
- Zavoykin, A.A., Tolstikov, V.P. 2017: Ocherki politicheskoy istorii Pantikapeya i Fanagorii [Essays on the political history of Panticapaeum and Phanagoria]. In: V.D. Kuznetsov, V.P. Tolstikov (eds.), *Pantikapey i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva: katalog vystavki* [Panticapaeum and Phanagoria. Two Capitals of the Bosporan Kingdom: Exhibition Catalogue]. Moscow, 47–68.
- Zavoykina, N.V. 2013: *Bosporskie fiasy: mezhdue polisom i monarkhiy* [Bosporan Thias: Between the Polis and Monarchy]. Moscow.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaya tara Bospora* [Amphorae in Bosporus] (Materialy po Arkheologii SSSR [Materials on the Archaeology of USSR] 83). Moscow.
- Zelenko, S.M. 2008: *Podvodnaya arkheologiya Kryma* [Underwater Archaeology of Crimea]. Kiev.
- Zhuravlev, D.V., Batasova, A.V., Shlottsauer, U. 2022: O sisteme oborony poseleniya Golubitskaya 2 [Defensive system of the Golubitskaya 2 Settlement]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News] 35, 28–43.
- Zhuravlev, D.V., Shlottsauer, U. 2014: Nekotorye itogi rabot Bosporskoy arkheologicheskoy ekspeditsii na Tamanskom poluostrove. 2006–2013 gg. [Some results of the work of the Bosporan Archaeological Mission on the Taman Peninsula in 2006–2013. In: *Gosudarst-*

- vennyy istoricheskiy muzey i otechestvennaya arkheologiya. K 100-letiyu otdela arkheologicheskikh pamyatnikov* [State Historical Museum and Domestic Archaeology. To the 100th anniversary of the Department of Archaeological Sites] (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Transactions of the State Historical Museum] 201)]. Moscow, 150–186.
- Zin'ko, V. 2014: Tyritake in Archaic time. In: A. Twardecki (ed.), Tyritake. Antique Site at Cimmerian Bosphorus. Proceedings of the international conference, Warsaw, 27–28 November 2013. Warsaw, 47–61.
- Zinko, V.N. 2017: Iz istorii arkhaiskoy Tiritaki [From the history of Archaic Tyritace]. In: *Peripl: ot Borisfena do Bospora* [Periplus: from the Boristhenes to Bosphorus] (Trydy Gosudarstvennogo Ermitazha [Proceedings of the State Hermitage] 88). Saint Petersburg, 106–116.
- Zinko, V.N., Shamray, A.N. 2009: Podvodnye arkheologicheskie nablyudeniya i razvedki u gory Opuk [Underwater archaeological observations and explorations near Mount Opuk]. *Bosporokie issledovaniya* [Bosporos Studies] XXI, 449–458.

INSIDE OR OUTSIDE?
(ON THE “STATUS” OF THE SETTLEMENT ON CAPE ZYUK, SMALL
TOWNS AND “INTERNAL” COLONIZATION OF THE BOSPORUS)

Aleksandr A. Maslennikov

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: iscander48@mail.ru

Based on archaeological and epigraphic materials, the author makes an assumption about the *polis* status of the settlement on Cape Zyuk (the Crimean Sea of Azov) and characterizes this site as a “frozen” form of the original *apoikia*. Then, the initial chronology of most of the “small” Bosporan cities is considered, also with the involvement of new material. A special attention is drawn to the correlation of currently accepted dating of the main categories of mass archaeological material (amphorae and dishes), taking into account the fact that amphorae tend to have a shorter service life. As a result, it is possible to postulate at least four stages (“waves”) of the local colonization process, more or less synchronous with the historical events known to us in the centers of the metropolis at the end of the 7th – beginning of the 5th century BC, which has long been assumed in the fundamental works of V.D. Blavatsky, G.A. Koshelenko and V.D. Kuznetsov. On the basis of this, as well as the specific situation in the region of the Cimmerian Bosphorus and the demographic possibilities of the Greek *apoikiai-poleis* that arose here, the author refuses the idea on the so-called internal colonization that at that time. In addition, attention is once again drawn to the fact that the process of development by the Hellenes of the spaces of the future Bosporan state proceeded differently in its Asiatic and European parts. In the first case, it initially took place in the form of the withdrawal of a large number of small *apoikiai*, most of which, mainly not on the coast, later, for a number of reasons, could not move to the next stage – urban-type settlements.

Keywords: Cimmerian Bosphorus, archaeology and written sources, colonization, *emporia*, *apoikiai*, small towns, rural settlements, *polis* status, dating problems, chronology, colonies and metropolises, “internal” colonization